

ПИСЬМА к А. А. ШЕСТЕРКИНОЙ

1900—1913

Предисловие и публикация В. Г. Дмитриева

В эпистолярном наследии Брюсова значительный интерес представляют его письма к Анне Александровне Шестеркиной. Знакомство поэта с нею и ее мужем, художником М. И. Шестеркиным¹, относится к 1898 или 1899 г.

До нас дошло 235 писем Брюсова к Шестеркиной и 101 ее письмо к нему. Первое письмо Брюсова датировано декабрем 1899 г., последнее — 7 мая 1914 г.

Наиболее интенсивно переписка велась в 1900—1902 гг., когда их отношения приобрели близкий характер. В течение всего лета 1901 г. поэт пишет Анне Александровне почти ежедневно, хотя бы по несколько строк, обычно без обращения. Это — своеобразный дневник, как бы дополняющий «Дневники» Брюсова, впоследствии частью опубликованные. В письмах и записках ярко отражены как оценки поэтом людей, событий, произведений литературы, так и мелочи повседневной жизни, влиявшие на его настроение. В некоторые конверты вложены только что созданные стихи, или вырезки из журналов и газет со стихами и рассказами Брюсова².

Брюсов с нетерпением ждет ответов. «Письма жду очень», — пишет он 24 мая 1901 г. «Меня просто отчаянье берет, что, придя опять на Цветной, я не найду вашего письма» (1 июня 1901 г.) и т. д. В своих письмах этого периода поэт делится самыми сокровенными думами, творческими замыслами, соображениями о прочитанном, увиденном, услышанном. Не обойдены и «внешности», по выражению Брюсова: семейные беды, болезни, возня с собственным домом, трудности переезда с дачи... Однако, как правило, поэт избегает говорить в письмах о своем отношении к Анне Александровне, обращается к ней всегда на «вы». Ее письма, наоборот, — непрерывные признания в горячей, беззаветной любви, которая наполняет всю ее жизнь, не оставляя места ни для чего другого.

С 1903 г. Брюсов начинает писать А. А. Шестеркиной значительно реже. Это по большей части краткие записки; сопровождающие посылаемые им книги, журналы и билеты, или открытки с извинениями, сетованиями на занятость делами, нездоровье свое или жены, перегруженность работой и другие обстоятельства, мешающие ему навещать Анну Александровну и писать ей подробнее. Правда, он подписывается по-прежнему «Всегда ваш».

Поэт больше не делится ни мыслями, ни чувствами, не описывает, как раньше, эпизоды из своей жизни, не цитирует ничьих стихов (хотя свои все же иногда присылает). Вместо этого: «Очень извиняюсь, что не мог быть у вас» (17 марта 1908 г.), «чувствую себя перед вами безмерно виноватым» (27 марта 1909 г.) и т. п.

Анна Александровна тяжело переживает эту перемену в отношении Брюсова к ней; письма ее полны горечи, а подчас — и упреков. Она просит вернуть ей все ее письма.

В 1910—1912 гг. переписка постепенно сходит на нет. Анна Александровна уже называет поэта по имени и отчеству, обращается к нему с разными просьбами: помочь продать картины покойного мужа, устроить ее сына секретарем редакции журнала и т. п. Брюсов отвечает ей редко и немногословно, встреч избегает.

Только в конце 1913 г. переписка на краткое время оживляется в связи с трагическим эпизодом — смертью близкого Брюсову человека, поэтессы Н. Г. Львовой. Вскоре переписка совсем обрывается. В последнем письме от 17 июня 1914 г. Анна Александровна просит поэта приехать на день рождения ее дочери, которой исполняется 12 лет: «Вы посмотрите нашу Нишу».

Лишь через семь с лишним лет, 22 января 1922 г., Анна Александровна вновь пишет поэту, рассказывая о переменах в своей жизни за этот долгий период, наполненный огромными событиями. Она сообщает, что вступила в коммунистическую партию, уезжала в Полтаву, работала там заведующей отделом Губсобеа, потом вернулась в Москву, чтобы дать дочерям высшее образование (у нее было к этому времени четверо детей). Двухдцатилетняя Нина работает теперь в МГСПС пом. зав. отделом статистики, а вечером учится в МГУ.

В этом суховатом письме нет никаких воспоминаний о прошлом, хотя Анна Александровна и выражает желание видеть Брюсова: «Конечно, я читаю все, что вы пишете, но этого мало. Я, как всегда — ваша поклонница и, как прежде, больше всего почитаю и знаю трех поэтов — Брюсова, Тютчева и Фета».

Спустя полтора месяца она извещает поэта о постигшем ее горе — смерти полугодовалого внука. Больше она Брюсову не пишет. А через два года с небольшим поэта не стало. Дату смерти А. А. Шестеркиной установить не удалось.

Письма В. Я. Брюсова к А. А. Шестеркиной хранятся в ГБЛ (ф. ОР. 128. 1—13 и 129. 1—3), так же как и ее письма к нему (ф. 386.108.26—31). Нами публикуется 59 писем и записок поэта; исключены не представляющие особого интереса письма чисто делового или узкобытового характера, а также письма сугубо личного содержания. За пределами публикации остались, в частности, письма конца 1913 г., отражающие реакцию Брюсова на смерть Н. Г. Львовой. Это особая тема, требующая специального биографического экскурса.

¹ Михаил Иванович *Шестеркин* (1866—1908) был одним из членов-учредителей Московского товарищества художников, основанного в 1893 г., и его бессменным секретарем, организовал Общество графических искусств, Общество взаимопомощи художников, архитекторов и скульпторов, экспонировал свои картины на выставках Товарищества передвижных выставок. Сотрудничал в «Весах», где выступал и в качестве художественного критика под псевдонимом Арбалет и А-т (см. в № 7 «Весов» за 1908 г. некрологическую заметку «От редакции» и его рисунки). Шестеркин — автор одного из портретов Брюсова (набросок пером — см. «Библиографию Валерия Брюсова». М., 1913, стр. 47). Несколько работ Шестеркина было выполнено на темы стихотворений Брюсова и Белого. В каталоге посмертной выставки картин Шестеркина (ГБЛ, ф. ОР. 129.19) указано, что некоторые его картины являлись собственностью Брюсова (портрет жены художника, «Минарет»). В. Ходасевич сообщает в своих воспоминаниях, что в квартире Брюсова «на стенах в кабинете и в столовой висели картины Шестеркина, одного из первых русских декадентов» («Современные записки», 1925, XXII, стр. 216). В личной библиотеке Брюсова (ГБЛ) сохранился экземпляр сборника «Tertia vigilia» с надписью «Валерию Брюсову — на память от М. Шестеркина» и с вклеенным рисунком, изображающим викингов — героев поэмы «Царю Северного полюса» (в «Библиографии Валерия Брюсова», 1913, стр. 49, указаны два рисунка М. Шестеркина к этой поэме).

² А. А. Шестеркиной Брюсов посвятил стихотворения «Осенний день был тускл и скуден...» (1900) и «Отклики демонов» (1901). С Шестеркиной связаны также неопубликованные при жизни поэта стихи «Есть слова волшебства...» (1899) и «Люблю я имя Анна...» (1900).

1

«Ревель. 31 мая 1900 г.»

Многоуважаемая Анна Александровна!

Мы в Ревеле, в Крыму ли вы? Хотел бы писать вам, но не знаю куда. Непременно и скоро сообщите ваш адрес. Здесь хорошо. Это дачная местность под Ревелем — парк, как Сокольники, дубы, каштаны, липы (сосен нет) — и море, и отмели. А город старинный, здания XII века, сумрачные соборы, готические входы, а в окнах книжных магазинов Ибсен, Метерлинк, Стриндберг, Оскар Уайльд (все по-немецки, конечно). Смесь наречий и обычаев. Весеннее небо и вечером туманы с моря. Очень жду письма.

Ваш Валерий Брюсов

Р. С. Наш адрес: Ревель, Екатериненталь, Подгорная ул. Дача ф. Ден № 131, кв. 3

Открытка. Почт. шт.: Ревель. 31.V.1900; Москва. 2.VI.1900.

2

Ревель, 19 июня 1900. Екатериненталь,
Подгорная ул., дача ф. Ден.

В стране, где все размечено и установлено, где я сам становлюсь добрым немцем, рано встающим, рано ложащимся спать, подчинившим день порядку, — вспоминаю я, уважаемая и дорогая мне Анна Александровна, безумия своей иной жизни, и первый свет четверга, проникающий сквозь белые занавески, и детски-наивный «лабиринт» в Сокольниках... Суждено ли будущее этим воспоминаниям?

Я на берегу моря, по которому плавали еще варяги, я на скалах, где еще видны обломки разбойничьих гнезд орденских рыцарей, я в соборах, пришедших к нам из Средних Веков, в старинных острокровельных зданиях торжествующего бюргерства XVI—XVII в. И во всем этом — у моря, у развалин, в старых церквях — современный люд, немцы, выполняющие все русские пословицы о их добросовестности и аккуратности, каждое воскресенье едущие погулять in's Grüne *, покорно бродящие по указанным дорожкам, съедающие до конца принесенную из дому провизию и в 9 ч. отправляющиеся домой пешком или по конке (не на извозчике!).

А что же эти соборы? Это море? Торжество вечной природы над меняющимся человечеством? Или торжество мысли века над самим веком: готика, ушедшая в век Ибсена и Оскара Уайльда? Или то просто долголетие камня, кирпича — рядом с нашей размеренной жизнью?

Есть стихи у Тютчева, столь насыщенные мыслью, что каждого двустихия из них достаточно для целой поэмы. Я часто повторяю их здесь. Вот отрывки:

Я вспомнил о былом печальной сей земли,
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.
И, глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва,
Вы — мыслил я — пришли издалека,
Вы, сверстники сего былого!
Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной.
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
Про них и днем молчавие хранит¹.

Что есть безумного для нас в том камне, на котором стояла нога Гаральда, жениха Ярославны, в тех стенах католического аббатства, под которыми стоял осадой Иван Грозный! Надо мною прошлое имеет странную власть. Время, возможность времени для меня ужасна и невероятна. Знать, что и сейчас мгновения падают, падают, и я, побеждая их разумом, не побеждаю волей, и ухожу, ухожу... Вот где истинное *иди* Вечного Жиды. Все мы — проклятые Агасферы Времени.

И накопляются стихи, и книги, и города. Нам уже немислимо перечитать даже всех поэтов. Но когда персы смешали с прахом библиотеку

* на лоно природы, за город (нем.).

Ассур Бани Пала², или арабы (а может, и не арабы) сожгли Александрию³, тогда-то нам стали дороги, а главное *доступны* — глиняные черепки с клинописью и немногие уцелевшие свитки греческого письма. — Чем меньше матерьяла, тем пытливей мысль исследователя. Надо жечь архивы, чтобы знать историю.

И каждый раз этот безобразный сон накопления веков повторяется все безмернее и безобразнее. Ныне его кошмар уже давит на нас, медная крышка нависивается на наш гроб. Но придут не китайцы, избиваемые в Тянь-Цзине⁴, а те, более страшные, кого мы втоптали в шахты и втиснули в фабрики.

И вечером, когда застывают броненосцы на серебряном зеркале, когда уступчатый Ревель теряет все краски и остается одним очертанием, длинные фабричные трубы продолжают куриться, и дым пышно и широко расходится по здешнему небу, светлому до полуночи. Дым застилает 8-вековой Олай⁵ и древний до-готический храм св. Духа, дым властвует. Но и он пройдет, как прошли на этом побережье варяги, датчане, и шведы, и немцы. Пройдут, прейдут и древние церкви, прейдет море (на моих глазах его заволакивает песок). Когда не станет земли, останется небо. Но разве синее небо — вечность?

Я закрываю глаза, и его не стало.

Ваш Валерий Брюсов

Р. С. Привет Михаилу Ивановичу и благодарность за присланный мне уголок Крыма.

В. Б.

К письму приложено стихотворение Брюсова: «Как завидна в час уныний жизнь зеленых червячков...», датированное: 1900, июнь, Ревель (вошло в *TV* под названием «Зеленый червячок»).

¹ Из стихотворения Тютчева «Через ливонские я проезжал поля...» (1830).

² По современной транскрипции — Ассурбанипал, ассирийский царь (667—626 до н. э.).

³ Знаменитая в древности библиотека в г. Александрии (Египет), основанная египетским царем Птолемеем, подвергалась сожжению трижды: до н. э. — войсками Юлия Цезаря, в 391 г. — при столкновениях между приверженцами разных религий и в 641 г. — по приказу арабского калифа Омара.

⁴ В Тянь-Цзине и других китайских городах войска западных держав, подавляя в 1899—1901 гг. народное антиимпериалистическое (так наз. боксерское) восстание, учинили погромы и резню.

⁵ Собор св. Олая в Ревеле.

3

2 июля 1900. Ревель. Екатериненталь,
Подгорная ул. Дача ф. Ден

Странно и мучительно редко вспоминаю я вас, Анна (сегодня мне хочется слышать только это имя, без византийски почтительной формы обращения), странно и мучительно редко. Может быть, это оттого, что наши взоры всегда расходятся. Я брожу по берегу Балтийского моря, смотрю дальше по волнам, туда, где Скандинавия. Вас манит, конечно, к пределам Черного моря, может быть, вглядывается вы в белеющую полосу на горизонте, а может быть, бродите по взморью, победив свою нелюбовь к Южному Берегу. Я гляжу к Полюсу, к Северному Полюсу¹, вы смотрите туда, где Экватор. Мы отвернулись друг от друга. Мне нужно усилие памяти, чтобы писать вам.

Медленными каплями падают мои дни. Я словно тихо замираю или отдаюсь сладостной трясине... Да, если б не ужас смерти и задушения, трясина была бы сладостной... Я встречаю море, я дышу отголосками милого мне Средневековья, я что-то перевожу, что-то пишу, — и над всем этим

северное небо, никогда не слишком яркое, но безгрозное, с тихими, нехотя приходящими, нехотя уходящими дождями... Дни падают, как капли дождя.

Нашли ли вы в Бахчисарае, что искали — Прошлое? столь сладостный всем дар, мне столь ненавистный! А, одно его имя на миг развеивает мое усиление и заставляет меня дрожать от бешенства. Я не хочу прошлого! я хочу будущего, будущего, будущего! Ничего прошлого не было, но *все* будет! Я хочу все забыть и все испытать, все узнать, что я хочу дать и чувствовать. Ах, неужели вы ищете и находите прошлое!

Только разве прошлое других людей, давно отошедших, словно других существ, прошлое иных веков. Его я люблю. В церкви св. Духа возлюбил я Христа. Он из дерева или из глины; на высоком кресте повешен жалкий труп с большой головой, в громадном терновом венце, как бы головастик. Тело маленькое, немыслимо исхудалое, неестественно вывернутые руки, безобразно иссохшие ноги, состоящие всего из двух сложенных костей... Изображение почти омерзительное, но оно дышит веяньем Средних Веков, ужасом к жизни, близостью к небу, — мне милое и почему-то доступное...

Ах. Я сейчас — опять уровненные чашки весов. Капли, одной капли! — и что-то упадет в пропасть. Если б одно слово — я мог бы сейчас же надеть крест и идти в Палестину, или бежать в пещеры, в египетскую пустыню... Я не хочу самого себя и еще не знаю, кому мне молиться. Напишите мне.

Я, быть может — ваш Валерий Брюсов.

¹ Брюсов закончил в эти дни поэму «Царю Северного полюса» (TV).

4

⟨Ревель.⟩ 25 июля 1900.

Многоуважаемая Анна Александровна!

Примите прилагаемое письмо — написанное давно, не посланное, но и не разорванное — за «стихотворение в прозе», еще лучше за перевод с французского. Оно по слогу и напоминает перевод. Думаю и надеюсь, что вы радостны и счастливы. Я люблю Крым.

Ваш Валерий Брюсов

И снова я вызвал ее образ, и снова пишу к ней. Далекая тень, кто ты? Странное сновидение, которое не можешь вспомнить и которое этим мучит? образ из моих детских поэм, из этих тетрадей, исписанных неровным почерком, дремлющих давно на нижней полке под пылью? Кто ты? я не узнаю тебя, и ты безмолвна.

Небо синее, море опенилось белыми гривами, колышутся вершины каштанов, и в скошенной траве я слышу стрекотание кузнечиков. Это — день. Это светлый день. Разве бывают дневные призраки? Кто мне напомнил про Лилит? ¹ Далекая, безмолвная тень, почему ты еще со мною?

Я опять поднимаю паруса. Мой скальд запевает песню. Еду к безвестным островам, ищу верной добычи, блестящих щитов, и певучих рогов, и пышных тканей. Пльви, остроглазый челн! Щиты — мои дерзкие речи, певучие рога — это звучные строфы, пышные ткани — то яркие и кричащие слова. Я еду на добычу.

Валерий Брюсов

¹ Лилит — имя ночного духа, упоминающееся в древнеавилонских заклинаниях. По иудейским преданиям, первая жена Адама, мать великанов, упоминаемых в книге Бытия, и злых духов.

А. А. и М. И. ШЕСТЕРКИНЫ
 Фотография М. Волкова. Москва,
 1892
 Центральный архив литературы и
 искусства СССР, Москва

5

⟨Петербург. 4 ноября 1900 г.⟩ Суббота.
 Утро. Владимирская

Часы прошли как сон изменчивый...¹

Видели вчера Минского² и беседовали с ним долго и хорошо; и с г-жой Минской³, которая в сторонке соблазняла меня «полюбить страшное». Шатались с Бальмонтом по ресторанам и... ссорились⁴. Идет снег.

Вы, снежинки, вейте!⁵

О нас (т. е. Скорпионах) уже сплетничают здесь. Бедные (т. е. они). Не будьте больной! Неужели сегодня (а для вас вчера или третьего дня) — поедете вы куда-то. Уже поздно возражать. Должно быть здоровой. Должно быть веселой. Должно всегда мечтать о будущем.

Ваш неизменно Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: СПб. 4.XI.1900; Москва. 5.XI.1900.

¹ Первая строка одного из стихотворений Брюсова (TV).

² О Н. М. Минском см. наст. том, стр. 663.

³ О жене Минского Л. Н. Вилькиной см. наст. том, стр. 690.

⁴ К этому времени в дружбе Брюсова с Бальмонтом уже наметился разлад на почве начавшегося расхождения литературных взглядов и позиций. См. запись Брюсова о поездке в Петербург осенью 1900 г.: «С Бальмонтом все время были очень недружественны. Ему не нравились мои новые стихи, мне его. Доходило до прямых сцен и до злобных слов...» (Дневники, стр. 99).

⁵ Первая строка одного из стихотворений Брюсова 1899 г. (TV).

6

«Москва. 18 ноября 1900 г.»

М. Горький написал статейку обо мне и Бальмонте¹. № «Нижегородских ведомостей» обещал доставить мне Юргис². Может быть, любопытно вам посмотреть, как мгновенно напали на него — с очень явными угрозами — наши «блустители»³. Пишу это в Русском Архиве⁴. Тоскливо.

Ваш Валерий Брюсов

900

На конверте почт. шт.: Москва <дата врзб>; Москва, 19.XI.1900.

¹ М. Горький. Литературные заметки. — «Нижегородский листок», № 313, 14 ноября 1900 г. (Брюсов указывает название газеты неверно).

² Юргис — Ю. К. Балтрушайтис. О нем см. наст. том, стр. 678.

³ Речь идет о помещенной в газете «Новости дня» от 17 ноября 1900 г. (№ 6284) заметке под заголовком «Жстати», за подписью «Пэк» (псевд. В. А. Апкинази). Заметка приложена к письму. В ней говорится, что «безбрежный г. Бальмонт и ограниченный г. Брюсов нашли себе, наконец, защитника» в лице М. Горького. Далее оба поэта названы «не знающими ни роду, ни племени», «бывшими людьми», а о Брюсове говорится, что он воображает себя «закадычным другом египетской царицы Клеопатры» и шествует «по стогнам литературы без сапог».

⁴ С августа 1900 г. по 1902 г. Брюсов исполнял обязанности секретаря редакции журнала «Русский архив».

7

«Москва. 27 ноября 1900 г.»

«Чем безнадежнее и строже
Года разъединяют нас...»¹

Мне вспоминаются эти фетовские стихи. Но верьте, что эти годадни — случайность, странная, роковая, но случайность.

Я ваш неизменно Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва <дата врзб>; Москва, 27.XI.1900.

¹ Это начало стихотворения Фета имеет следующее продолжение:

Тем сердцу моему дороже,
Дитя, с тобой крылатый час.

8

«Москва. 3 апреля 1901 г.»

Простите меня, Анна Александровна. Завтра, в среду, мне не суждено ехать с вами на Передвижную¹. Не хочется писать подробно, но вы сами знаете, что мне это обидно и горько. Вообще праздники проходят очень смутно и будут для меня самой ненавистной неделей всего года. Трижды проклятые праздники! Читаю бальмонтовского Эдгара По²; читайте и вы. Я его давно не перечитывал; конечно, не увлекаюсь так, как в юности³, но душа у него была глубокая; он угадывал многое, и ум у него был как-то под особым углом заостренный, не как обычный клинок. Часто он сам восторгается нелепостями, но попутно дает откровения. Кричит нам: «я покажу вам чудо!» — на самом деле показывает детский фокус, но в то же время нечаянно показывает и вечность...

По разным причинам мне грустно живется. Тысячи мелочей оскорбляют душу, хотя я очень умею не замечать их. Не знаю, буду ли расплагать собой всю пасхальную неделю.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва, 4.IV.1901; Москва, 4.IV.1901.

¹ 29-я выставка в Москве Товарищества передвижных художественных выставок, открывшаяся 2 апреля 1901 г.

² В 1901 г. в издательстве «Скорпион» вышел 1-й том собрания сочинений Эдгара По в переводе К. Бальмонта.

³ О впечатлении, которое произвело на юного Брюсова знакомство с рассказами Э. По, он рассказывает в отрывке из незавершенной автобиографической повести («Литературная Россия», 1973, № 50, 14 декабря).

9

⟨Москва. 23 мая 1901 г.⟩ Среда, вечер.

Сижу в Архиве и перебираю письма Булгакова ¹. Кругом никого. Только две русалки, как и всегда, глядят на меня: у них печальные глаза и волосы, превращающиеся в морскую пену, а из волос выступает букет бо-лотных лилий (русалки, конечно, из гипса).

Боже мой, как далеко было ехать от Шелковки ² до Москвы! Я сидел в том же отделении, но рядом поместились несносно тараторящие немки. Я пил чай, я прочел газету, прочел до конца бывшую со мной книгу, а мне надо было ехать дальше. В Одинцове пошел дождь и перестал. В Одинцове же из окна смотрела та же больная девица с бледным цветом лица. В Кунцево поезд взяла на бордаж толпа дачников. А ехать надо было все вперед. И вот, наконец, я в Архиве, и на меня глядят мои русалки ³.

Бартеневы девицы уже с неделю как в имении, Бартенева г-жа по дряхлости почти не выходит из спален, старик Бартенев куда-то уехал до меня ⁴. На столе у него лежит визитная карточка бывшего у него и его не заставшего С. П. Дягилева ⁵. Зачем приходил этот франт с белыми зубами (по описаниям, сам я его никогда не видал) к моему старцу с костью, не знаю; что общего между руководителем декадентских мироискусственников и «составителем» Архива, замершим в 50-х годах, не угадываю. А русалки глядят на меня с тоской, и в их глазах небо, отраженное из воды.

Грустно. Надо разбирать письма Булгакова, сплетни 1826 года, но не хочется. Тоскливо. Небо серое, после дождя. То же ли небо у вас или другое? Думаю, и вам всем невесело сейчас. В новом, чужом городе, где никому нет до вас дела (или лишь любопытство), всегда грустно, будь то сам Рим. А тут русский уездный город ⁶, т. е. олицетворение всего нежеланного, неживого, немыслящего. Что есть хорошее, усмотрится позже, все дурное уже видно. Но, впрочем, хорошее кое-что усмотрится, я знаю, я пророчу, верьте. Опишите мне (и скоро, скоро) этот сегодняшний день, и завтра. Подробнее и толковее, чем я. Мне некогда, да и описывать мне всего три часа жизни. Русалки! полно вам! не смотрите. Письма жду очень.

Ваш Валерий Брюсов

P. S. Свой адрес на конверте зачеркнул. На что он гг. почтамтским!

На конверте почт. шт.: Москва, 24.V.1901.

¹ В «Русском архиве» в 1901 г. продолжалась публикация писем московского почт-директора А. Я. Булгакова к брату его, К. Я. Булгакову, занимавшему тот же пост в Петербурге. Эти письма представляют собой бытовую хронику московского дворянского общества за первую треть XIX в.

² Станция Московско-Брестской жел. дороги (ныне станция Дорохово Московской жел. дороги Смоленского направления) в 86 км от Москвы. От Шелковки шла грунтовая дорога на Верею Московской губ., где жила летом 1901 г. Шестеркина с семьей.

³ 31 мая 1901 г. Шестеркина откликнулась на это место письма: «Ах, как я завидую тем русалкам! Тем, на которых вы смотрите каждый день».

⁴ Петр Иванович Бартенев (1829—1912) — основатель и редактор (с 1863 г. до самой смерти) журнала «Русский архив». В *Автобиографии* Брюсов пишет: «С благодарностью вспоминаю я внимательное отношение ко мне «патриарха» русской журналистики, старца П. И. Бартенева. За годы близости с ним я полюбил его своеобразную силь-

ную личность, в которой самые кричащие «недостатки» уживаются рядом с достоинствами исключительными» (стр. 112).

⁵ Сергей Павлович Дягилев (1872—1929) — художественный и театральный деятель, редактор журнала «Мир искусства», организатор художественных выставок в России и за границей, а также «Русских музыкально-театральных сезонов» в Париже и Лондоне.

⁶ Верея.

10

А. С. Это письмо второе
 <Москва.> Суббота, <26> май, 1901

Пришел к себе, т. е. на Цветной¹. Был уверен, что найду письмо от вас с извещением, как устроились. Письма нет. Почему? Не едете ли обратно? Ведь может быть. Неужели и в понедельник не найду письма?

Вчерашний праздник, пятницу, я провел плохо. Гости одолели. Пришел сначала Ланг², после г-да Глушановские, приехавшие из Омска, — как эдаким отказать. До вечера говорил о глупостях и показывал достопримечательности Петровско-Разумовского: пруд, дендрологический сад, гору, грот³... Сегодня с утра в Москве. Иду «отдавать визит» сим Глушановским. О Скорпионах и Бальмонте все еще не знаю ничего. Боюсь, что приедут завтра, так что и завтрашнее воскресенье для меня погибнет.

Я прочел «Пана»⁴. — Подробнее иной раз. — Очень хорошо.

Мое настроение таково: когда ударишься, сразу боли не чувствуешь, она придет после. Хочу работать, но никак не примусь. Старые замыслы, как враги, обступили. Но еще так много дел, внешних, почему-то запущенных за последние дни: по дому, по Архиву, по лечению и т. д. Будет ли письмо в понедельник?

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва, 26.V.1901: Верея, 27 мая 1901.

¹ С 1878 по 1910 г. семья Брюсовых жила в доме № 24 на Цветном бульваре.

² Об А. А. Ланге см. наст. том, стр. 373.

³ Лето 1901 г. Брюсов провел под Москвой, на даче в Петровско-Разумовском.

⁴ Первый русский перевод романа норвежского писателя Кнута Гамсуна «Пан. Из записок лейтенанта Глана» вышел в 1901 г. в издательстве «Скорпион» с предисловием К. Бальмонта.

11

<Москва. 28 мая 1901 г.> Понедельник. Ночь.

Не сердитесь на мои жалобы. Я и сам умом понимал, что письма еще не могло быть в субботу, но мне его так хотелось иметь, знать, что вы и как в этой таинственной для меня Верее. — Я все воскресенье был на даче, у нас никого не было, писал, мирно гуляли по парку, читал Фета и опять «Пана». Такой тихий день, как русская речка (именно не река — речка). — Уехал сегодня в 3. В Архиве не было часу свободного, а дома, где ночью, замучили посетители: Ланг, Курсинский¹ и т. под. Теперь час. Устал бесплодно, не вяжутся ни мысли, ни чувства. Если будет время, напишу завтра, а сегодня только эти «медленные» строки. Пожелайте мне покойной ночи.

Ваш В. Б.

<На том же листке, 29 мая> Вторник, Утро.

И сегодня времени нет. Сейчас мучили маляры, кровельщики и печники. Пора спешить в Архив, а в дневные часы занятий я всегда на виду, так что придется заниматься гр. Ростопчиним², а не своими письмами. Итак,

пусть это письмо останется совершенно бессодержательным. А глядя на меня, и вы не станете смущаться посылать мне бессодержательные письма³. Жарко уже. Небо синее. Проволоки блестят. Ах, теперь бы

Весь день в бездействии глубоком
Весенний, чистый воздух пить,
На небе синем и высоком
Беспечно облака следить...⁴

И можно бы! Но мало что можно? Почему мы все делаем не то, чего хотим и что доступно, а так покорно подчиняемся издавна проложенным путям. Так и хочется мятежа. Но покорствуя.

Ваш Валерий Брюсов

Архив.

Бартенев и кое-кто с ним (второй сын с женой, их дети и т. д.) завтракают. Я отказался. В соседней комнате перезвон ножей и вилок⁵. За окном звонки конок и дребезжание пролеток. Чирикают воробьи. Вижу зелень садика, нависающую к окну. Дальше — дешевую пышность входа в сад «Аквариум». Еще дальше — опять оно, синее, вечное небо. «Как дым кадилыйный, лазурно тают облака». Передо мною две русалки, они глядят на меня. Бедные.

В.

На конверте почт. шт.: Москва. 29.V.1901.

¹ Александр Антонович *Курсинский* (1873—1919) — товарищ Брюсова по университету, поэт-символист. Одно время был учителем сына Л. Н. Толстого.

² В 1901 г. в «Русском архиве» (№ 8) были опубликованы письма графа Ф. В. Ростопчина, московского военного губернатора во время войны 1812 г., к жене и старшей дочери, а также его заметки о 1812 годе.

³ А. А. Шестеркина пишет Брюсову: «Прости за бессодержательность моего письма — нет мыслей, в голове пустота».

⁴ Неточная цитата из стихотворения Тютчева: «Нет, моего к тебе пристрастья...»

⁵ В книге *За моим окном* (М., 1913, стр. 65) Брюсов отмечает, что «редакция «Архива» почти сливалась с семьей Бартевых. Волей-неволей многое из личной жизни Бартевых проходило перед моими глазами».

Письма до меня дошли, и будут доходить *все*; если я жаловался, что нет писем, то по малодушию, из нетерпения. Итак, пишите, пишите больше, много, как первое письмо, *не как* последнее. Меня просто отчаянье берет, что, придя опять на Цветной, я не найду вашего письма. И описывайте мне все подробности вашего житья, чего именно нет в последнем письме, самый город, ваши комнаты, лес, реку, все, все и более. А чтобы кончить с вопросом грех измерений: о «Ежемесячных сочинениях» я уже писал Ясинскому¹, и они будут высылаться прямо из Петербурга — Верея, до востребования, вам.

Вчера, вернувшись домой, т. е. на дачу, застал Ник. Ник. Черногубова². Но мне такая лень была говорить с кем бы то ни было, что через полчаса я сказал ему: «А знаете, вы рискуете опоздать на последний поезд». Он, конечно, взял шляпу и бежал. — Сегодня все утро писал. Жизнь укладывается в рамки, вернее забивается в колодки, из которых как-то и не вывернешься...

Бьют часы. Шесть. Я один, с русалками. Слева портрет Александра III.

Ты строгий был, неколебимый воин,
 Как страж стоял на тягостном посту
 . . . . .
 Не статуй, а храма ты достоин.

Прямо передо мной Мадонна Рафаэля, фотография, большая; справа мальчик Мурильо, громадная копия, сделанная рукой поэта Жуковского; затем портреты — А. О. Смирнова, Плетнев, кн. Вяземский, Николай I, Филарет... На моем столе хаос: автографы Аксаковых, старые газеты, пыльные бумажонки, старые перья, редчайшая книжка Ростопчина (изданная в 8 экземплярах — том в 800 стр.)³ и мои черновые рукописи. Тишина. Во всем доме никого. Только у ворот стучат маляры.

Ах, не сердитесь (опять «не сердитесь») на эти перечни, на эту светопись. Многое бы мог и хотел сказать вам, но ведь для этого нужно мгновение, нужно многое. Когда придет, напишу. Сестра уехала в Крым. Там вечно качается море. Море!

Не удалось мне оставить
 Твой скучный неподвижный брег,
 Себя восторгами поздравить
 И по хребтам твоим направить
 Наш поэтический побег..⁴

(NB. Это Пушкина)

Я слышу Нил... Закрыты ставни...
 Песчаный зной...
 Нет, это только бред недавний,
 Ты не со мной?

(NB. [Tertia] «Сев. цветы»)

О Скорпионах по-прежнему ничего. В том числе и о Бальмонте. Не приедут ли к нам в воскресенье. О моей поездке в Верею пока нельзя и думать...

Ваш Валерий Брюсов

1901

На конверте почт. шт.: Москва. 1.VI.1901.

¹ Иероним Иеронимович Ясинский (псевд.: Максим Белинский, 1850—1931) — беллетрист, критик, публицист. Издавал и редактировал журналы: «Ежемесячные сочинения» (1900—1903), «Беседа» (1903—1905), «Почтальон» (1902—1903), в которых сотрудничал Брюсов. См.: З. И. Ясинская. В. Брюсов и И. Ясинский (*Тени* 1971).

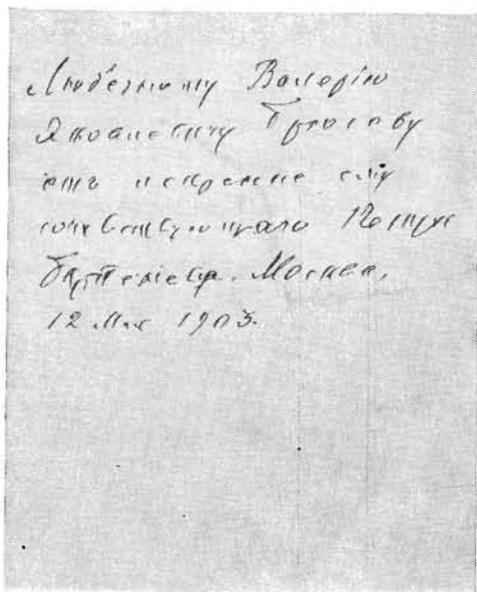
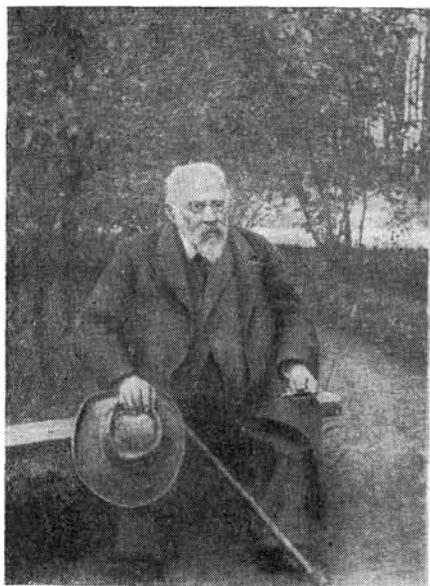
² Николай Николаевич Черногубов — московский коллекционер, собиравший рукописи и рисунки известных писателей, поэтов и художников.

³ Очевидно, речь идет об одной из книг, издававшихся в крайне ограниченном количестве экземпляров библиофилом графом Андреем Федоровичем Ростопчиным. Возможно это книга «Materiaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rostoptschine, rassemblés par son fils. Tiré a douze exemplaires». Bruxelles, 1874, 525 p. («Материалы, большей частью неизданные, к будущей биографии графа Федора Ростопчина, собранные его сыном. Отпечатано в двенадцати экземплярах». Брюссель, 1874, 525 стр.)

⁴ Стихотворение Пушкина «К морю» Брюсов приводит по памяти, неточно.

⁵ Из стихотворения Брюсова 1900 г. «Я имени тебе не знаю...» (TV).

Вы уже знаете, что все ваши письма до меня дошли. Итак, не надо больше на меня гневаться (я виноват только нетерпеливостью). Пишите мне не сурово, а по-прежнему, не в Архив, а на Цветной, не заказными, а

П. И. БАРТЕНЕВ

Фотография. На обороте дарственная надпись: «Любезному Валерию Яковлевичу Брюсову от искренне ему сочувствующего Петра Бартенев. Москва, 12 мая 1903»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

простыми письмами. Ваше сегодняшнее письмо было мне совсем мучительно. Прихожу в Архив — мне сообщают, что есть письмо. Как на зло, Бартенев вдруг вытаскивает некие два дела и объявляет, что мы сейчас будем работать вместе, т. е. с ним, переделывать указатель к запискам Храповицкого для 2-го издания¹. Я кладу письмо в карман, и мы садимся. Мы работаем, а я не знаю, что в письме. Пытаюсь угадать и путаюсь в страницах... Так три часа! Он ушел наконец, я прочел письмо. Вы не знаете, вы не помните, какое оно суровое. Ах, вы не должны требовать, чтобы я приехал, ведь вы знаете, что это для меня невозможно. Пока — по крайней мере. В конце июня, может быть, приедет к нам на неделю сестра жены, а Бартенев уедет в Ревель; это сочетание даст мне возможность быть у Божьего пруда в избушке на курьих ножках². Надеюсь, там нет Бабы-Яги, а только мальчик Ваня и девочка Маша.

Вчера, воскресенье, шел дождь, была гроза. И у нас не было никого. Я целый день работал. Сегодня остаюсь на ночь в Москве.

Ваш Валерий Брюсов

О «Пане». Мне не нравится Глан. В нем отголоски романтизма, Байрона и нашего Лермонтова. Эта жизнь с природой, как у Алеко, это преобладание стихийности... ах! все это мы уже вкусили, извели и жаждем иного. Но Эдварда очень современна, она хороша и любопытна. Другая, бедная, разбитая при взрыве — обычный тип «униженных» нашего времени, Селизетта Метерлинка, многие у Аннунцио... Сила романа не в лицах. Они исчезают, тонут, незаметны в жизни природы, в железных ночах, голосе моря, в лесе, в скалах. Оттого так хороши главы о ночных свиданиях Глана и Эдварды, хотя характеры их здесь всего менее выступают. Эти главы могли бы быть при совершенно ином начале и ином конце. А самый конец, эпилог, необходим с писательской точки зрения. Во-первых, он дорисовывает образ Глана, без этого эпилога мы знали бы того

Глана, каким он был в лучшие месяцы своей жизни, но только месяцы! И потом эпилог нужен, чтобы сказать, повторить (хотя для чуткого читателя это и так ясно), что любовь Глана и Эдварды была для них роковой, что ни он не мог изменить ей, ни она ему, что концом ее могла быть только смерть.

Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 5.VI.1901; Верей. 6 июня 1901.

¹ Дневник Александра Васильевича *Храповицкого* (1749—1802), статс-секретаря Екатерины II, был переиздан Бартевым в 1901 г. в виде приложения к «Русскому архиву».

² 30 мая 1901 г. Шестеркина писала Брюсову: «Наш адрес — Верей, у Божьего пруда, дом вдовы Митюшиной... Теперешнее наше помещение я называю избушкой на курьих ножках, — это крошечный домик с покосившимися полами, ободранными окнами, но он стоит в такой тихой, глухой деревенской улице. Лес очень близок».

14

⟨Москва. 6 или 7 июня 1901 г.⟩

Все ваши письма доходят, это точно. Все же лучше адресуйте на Цветной.

У нас грбзы, раскаты грома, грозные зарницы глухонемых демонов ¹. А изнанка этого, что я пробираюсь на дачу под дождем, мокну и как-то болен. Жадно занят, пишу и читаю, как не отдавался этому уже годы. От С. А. ² получил письмо, зов в Большой Московский ³, но зов, запоздавший на день. Из письма видно, что Юргис и Бальмонт с ним. Я Бальмонта еще не видал.

Странно, что я не пишу стихов. «Родник песен» вдруг иссяк. Но я заставляю себя писать. Одно из ближайших писем к вам будет со стихами. Читаю во всевозможных газетах и журналах брань на себя. Впрочем, в «Ежемесячных сочинениях» неумеренные похвалы, т. е. не неумеренные (даже скромные), но неуместные ⁴. Кстати, неужели вы еще не получили «Ежемесячных сочинений»? Сегодня напишу, чтобы послали прямо по адресу... Впрочем, нет, не сегодня, ибо адреса не помню. Пустоту письма простите, нет времени.

В другом конверте сетки.

Ваш Валерий Брюсов

1901

На конверте почт. шт.: Москва. 7.VI.1901; Верей. 8 июня 1901.

¹ «Демоны глухонемые» — слова из стихотворения Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1865).

² Сергей Александрович *Поляков* (см. о нем наст. том, стр. 260—261).

³ Трактир, где часто встречались московские литераторы.

⁴ В «Ежемесячных сочинениях» за 1901 г. появились статья И. Ясинского «Новый поэт» о сборнике «*Tertia vigilia*» (№ 1, стр. 35—41) и его же рецензия (обе без подписи) на первый альманах «Северные цветы» с упоминанием о Брюсове как об авторе «прекрасного стихотворения» — «Я имени тебе не знаю...» (№ 6, стр. 152—154).

15

⟨Москва. 7 июня 1901 г.⟩

Пятница ¹. Завтра меня в Москве не будет. А в воскресенье будут родственные посещения, подходящие прогулки, игра в карты. Я полюбил эти мои обязательные поездки, этот Архив, потому что через то я становлюсь одиноким. Бывают дни, что хочешь быть один, вне всех, хотя бы близких и желанных. Стоять на площадке нашего паровоза, среди чужих, идти

липовыми аллеями нашего парка или шумными московскими путями — это значит быть одному, с воспоминаниями, думами и надеждами. Что лучше, что прекрасней, если можешь мечтать, если *можешь*. Часто я не могу и тогда ищу людей, Скорпионов, трактир, кого-нибудь. Неужели опять придет зима, с шубами, с яркими залами, с десятками сменяющихся встреч. Да, придет. И пока мы еще выносим эту смену, даже любимся на нее. Но после, но через пять-десять раз. Ах, странно быть стариком.

Вы, вероятно, знаете, а может быть, и испытываете, что у нас жара совершенно невероятная. Или мне это после Ревеля кажется? А притом еще для купанья еле текучий пруд и совсем стоячая купальня. Это после морей Черного и Балтийского! В Москве же что-то такое совсем нестерпимое. Не только «день растоплен»², но растоплены и асфальтовые тротуары, да, кажется, и каменные дома. Если в такой жар опустить обрубленное мясо, оно сварится быстро, а вот человек-организм ничего, выносит. Верю, что человек прекрасно приспособился бы к жизни на Марсе, а то и на самом Меркурии (или -ии; но вы газетных споров об орфографии и «сумлева-нии штош» не читаете).

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 7.VI.1901; Верея. 8 июня 1901.

¹ Очевидно, описка Брюсова: письмо отправлено в четверг 7 июня.

² Слова, которыми начинается стихотворение Брюсова 1898 г. (TV).

16

⟨Москва. 8 июня 1901 г.⟩

Сегодня писать некогда очень, а завтра и вовсе нельзя будет. Сегодня от вас письма нет. Конечно, и нет причин, чтобы оно было сегодня, раз было вчера, — но так хорошо увидеть на столе конверт с вашим почерком. Я совсем один. По-прежнему не вижу никого, кроме разных Бартеневых: ни Бальмонта, ни Юргиса, ни С. А., ни кого еще, хотя в Москве были: Дягилев, Мережковский, Бунин... Я странно привыкаю к одиночеству и молчанию. Я и не хочу больше людей. Мне как-то страшно, что вот придет Бальмонт и надо будет с ним говорить о стихах, о боге, о любви. Я ни с кем не хочу говорить об этом. Мне не хочется записывать сложенных стихов. Пустыня. Одиночество. Смена дня и ночи. Так бесконечность.

Ваш Валерий Брюсов

1901

На конверте почт. шт.: Москва. 8.VI.1901; Верея. 9 июня 1901.

17

⟨Петровско-Разумовское. 10 июня 1901 г.⟩ Воскресенье

Я второй день на даче. В ожидании родственников располагаю часом свободного времени. Уже жарко. Мелькают велосипедисты. На соседней даче рубят котлеты.

Вчера ходили мы в ближний Казанский монастырь (женский). Ровные, ровные, чистенькие дорожки, узенькие, посыпанные свежим песком. Словоно игрушечные стены. В церкви чисто, так что глазам больно. Под особым стеклышком «туфель от мощей преподобного Феодосия». *Сзади* церкви, где у католиков орган, — хоры и там певчие, т. е. хор монашенок. Оттуда же читают, т. е. конечно не евангелие и не апостол, а то, что читают монашеники сами. Одна читала превосходно, молодая, а каким-то апокалипсическим голосом. Есть хорошенькие, есть, видимо, посвятившие себя богу

по убеждению. Служба идет полно, медленно и чинно. Знаете ли вы, что был в моей жизни период, когда я хотел идти в монастырь?

Запретили «Жизнь»¹. Вы, вероятно, этого еще не знаете. Жаль... а, впрочем, нет. Я не люблю людей, книги и издания вроде как бы хорошие. Предпочитаю явно глупые. «Русская мысль»² не опасна; несмотря на 6000 подписчиков всем ясно, что она глупа. А вот «Жизнь» могла соблазнить, ибо в ней были и хорошие стороны. Соблазненный «Жизнью» вообразит, что он нечто постиг, и становится вдвое безнадежнее, чем тот, кто ничего не постиг. А уж «Русская мысль» и «Богатство»³ не соблазняют никого.

На даче визави запищал фонограф. Бррр... «Грибов белых не угодно ли». «Картúфель, картúфель, огурцы зеленые». Дачный сезон в разгаре.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 11.VI.1901.

¹ «Жизнь» — журнал, выходивший с 1897 г. в Петербурге и ставший с 1899 г. органом, близким к марксизму. Отдел беллетристики возглавил М. Горький, который публиковал там свои произведения (в частности, «Фому Гордеева», «Трое», «Песню о Буревестнике») и привлек к участию в журнале талантливых писателей-реалистов. В. И. Ленин писал А. Н. Погросову 27 апреля 1899 г. о «Жизни»: «...ведурной журнал! Беллетристика хороша и даже лучше всех!» (Полн. собр. соч., т. 46, стр. 25). В апреле 1901 г. журнал за революционную деятельность его сотрудников был приостановлен, а 8 июня 1901 г. запрещен. В 1902 г. редактором журнала (В. А. Поссе) была предпринята попытка возобновить его издание за границей (в Лондоне и Женеве вышло шесть номеров).

² «Русская мысль» — журнал либерального направления (1880—1918), издававшийся в Москве, а затем в Петербурге.

³ «Русское богатство» — журнал народнического направления (1876—1918), выходивший в Петербурге.

Не думал я, что меня так будут утомлять ежедневные переезды из Москвы на дачу, с дачи в Москву. При этой жаре чувствую себя так усталым, что в Москве ничего и делать не хочется, а уж пойти или поехать куда-нибудь нет ни сил, ни времени (NB, вот, между прочим, почему я до сих пор не побывал у вашей мамыши в Сокольниках).

Воскресенье опять провели одни: была маленькая гроза, и все нами званные испугались, не приехали. Я целый день работал. А работы сколько угодно. Стихов моих почти никому не надо, а статей все просят: «Мир искусства», «Ребус»¹, «Ежемесячные сочинения» (кстати, *получаете ли вы их?*). Сегодня получил предложение от английского журнала «Athenaeum» написать для них (по-русски, они переведут) обзор русской литературы за 1900—1901 гг. Придется писать².

Много хлопот дома. Легнее время — время всяких ремонтов и поправок, крышу чинят, плотники работают, фасад красят, жильцы просят, полиция приказывает; ко всему этому думские платежи и страховые, а жильцы именно летом норовят улизнуть на дачу, надо квартиры сдавать. И тут приходится всячески хлопотать. Утешаешься тем, что из разнообразных встреч узнаешь людей; пригодится, если буду романы писать.

Припев обычный: ни Бальмонта, ни С. А. не видал. Едет в Москву Ореус-Коновской³; этот меня разыщет. У приятеля моего, и вашего бывшего знакомого, Ланга, умер младенец; впрочем, они его не кормили. Видите, какие приходится сообщать новости, а то ничего нет, день за днем, давно так не жил, улитобразно.

Ваш Валерий Брюсов

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВЪ
 TERTIA VIGILIA
 ≡≡≡≡ КНИГА
 НОВЫХЪ СТИХОВЪ
 1897 1900 ≡≡≡≡

 МОСКВА
 КНИГО
 ИЗДАТЕЛЬСТВО
 «СКОРПИОНЪ» 1900

«TERTIA VIGILIA». М., «СКОРПИОН», 1900

Экземпляр, подаренный Брюсову М. И. Шестеркиным

Титульный лист и иллюстрация Шестеркина к поэме «Царю Северного полюса», вклеенная в книгу
 Карандаш

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Вы не рассердитесь, что с этим письмом посылаю пакетик Воле и Тате⁴; в Верее, вероятно, московских сладостей и в помине нет (дикий город?). Не знаю, успею ли что написать завтра.

На конверте почт. шт.: Москва. 12.VI.1901.

¹ «Ребус» — журнал, издававшийся в Петербурге и посвященный вопросам спиритизма и телепатии. Брюсов в 1901—1902 гг. поместил в нем несколько стихотворений и статей, а также свой перевод рассказа А. Стриндберга «Чудо».

² В лондонском журнале «The Athenaeum» в 1901—1906 гг. было опубликовано шесть обзоров современной русской литературы, написанных Брюсовым. Первый обзор был напечатан в № 3847 от 20 июля 1904 г. См.: С. П. И л ь ё в. Статьи Брюсова в журнале «The Athenaeum» (Чтения 1971).

³ Об Иване Конеvском см. наст. том, стр. 208.

⁴ Ошибка Брюсова: дочь А. А. Шестеркиной звали Леной.

19

⟨Москва. 14 июня 1901 г.⟩

Увидался, наконец, с Бальмонтом. Его все за те же стихи высылают из столицы на 2 года¹. Вчера и сегодня прощаемся с ним и провожаем его. Подробнее завтра.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 14.VI.1901.

¹ К. Д. Бальмонт за чтение на публичном вечере стихотворения «Маленький султан», которым он откликнулся на избиеие казаками студентов во время демонстрации 4 марта 1904 г. у Казанского собора в Петербурге, был выслан на три года с запрещением жить в столицах и университетских городах. В марте 1902 г. он получил разрешение выехать за границу.

20

⟨Москва. 15 июня 1901 г.⟩

До безумия занят статьей для «Athenaeum»^а. Необходимо отправить ее не позже воскресенья; сегодня пятница, а у меня не написано еще ни строки. Торопливо читаю, вспоминаю, соображаю.

А тут еще проводы Бальмонта. Вчера и третьего дня все время был с ними, т. е. с Бальмонтом, С. А. и Юргисом; кочевали из трактира в трактир. Юргис с отъездом М. В.¹, конечно, предавался тайнам вина, и дело опять доходило до видений. Бальмонт безумствовал столько, что один капитан едва не заколол его кортиком. Спас его Юргис, вышибив палашом из рук капитана обнаженный кортик. Дело было в трактире.

Дрейфус почти напечатан². Книга скучная и плохая. Писать до понедельника могу только помалу.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва, 16.VI.1901.

¹ По-видимому, жена Ю. Балтрушайтиса. Описка Брюсова: ее звали Марией Ивановной.

² Русский перевод книги Альфреда Дрейфуса «Пять лет моей жизни. 1894—1899» вышел в 1903 г. в издательстве «Скорпион». До этого книга появилась на русском языке в 1901 г. в двух других изданиях: в Петербурге (в издательстве «Знание») и в Одессе.

21

⟨Москва. 16 июня 1901 г.⟩

Ух! С плеч долой обуза. Сегодня сдал на почту статью для «Athenaeum»^а¹. В два дня написал, неважно, разумеется. Многих пропустил, много наговорил пустых слов, но ведь чтобы писать серьезно, надо бы год готовиться и два месяца писать. А тут как на грех, именно этот год я не следил за журналами. Всю жизнь я считал долгом читать все, что печатают наши ежемесечники; первый год отпустил себя от этой обязанности и как раз не вовремя.

Что Ясинский не высылает вам «Ежемесячные сочинения», — он — ... но не хочу браниться; завтра напишу ему письмо и все устроится. Завтра воскресенье и мы будем наводнены гостями. Я же собираюсь сам обратиться в такого докучного гостя и побывать в Верее.

Ваш Валерий Брюсов

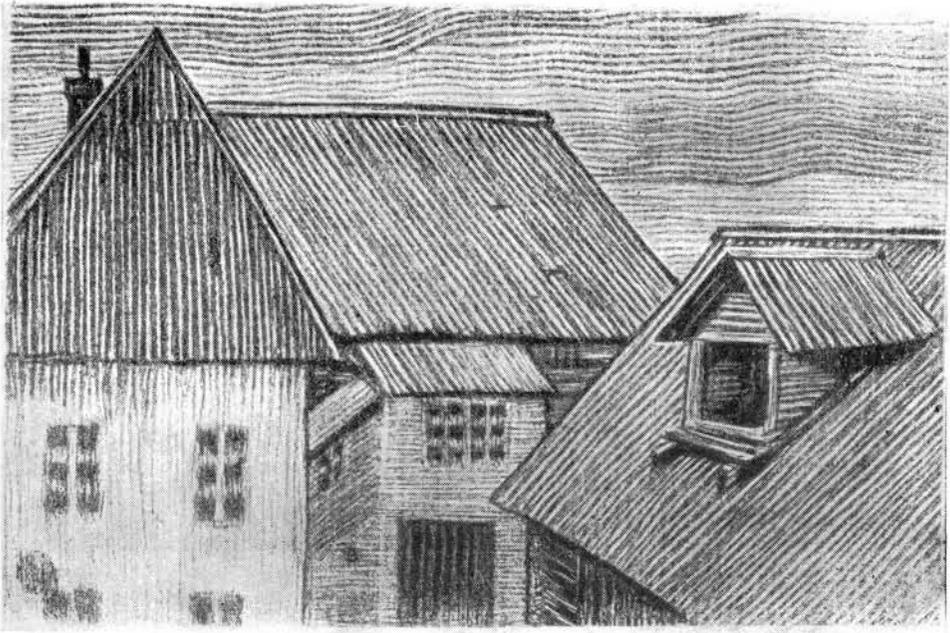
На конверте почт. шт.: Москва, 17.VI.1901.

¹ См. п. 18, примеч. 2.

22

Суббота. На даче. ⟨Петровско-Разумовское.
23 (?) июня 1901 г.⟩

Тикают часы. Кричат разносчики. Пахнет расцветающей липой. Утро и солнце после ночного дождя. Какое синее небо! Там за забором — наша соседка. Знаю о ней только, что она «содержанка». Вот прошла в красном капоте, посмотрела на меня и улыбнулась. Лицо русское, смаз-

ВЕРЕЯ

Литография с рисунка М. И. Шестеркина
«Весь», 1908, № 7

ливое, но не красивое. Стал смотреть на нее. Ушла. Чирикают воробьи. Их гнездо под нашим окном, вернее над окном. Уже птенчики пищат. Наверное, съест их наш Маугли. Светотень на подоконнике. В стакане — поникшие и умирающие Анютины Глазки. Вчера не избегли-таки посещения. Был Юрий Бартенева, т. е. сын, цензор¹. Мучил нас сладкими разговорами и великодушием. — «Ну, давайте усладимтесь!» — и брал читать Фёга. Впору было пробить ему голову тяжелым молотком, который нам отлили нарочно на заводе. Завтра ждем сестру жены, Мари, отца их, — а может быть, пора же! — и кого-нибудь из соскорпионов. Разносчики кричат.

Сейчас еду в Москву. Боже мой, когда же будут у меня время и возможность писать все, что думается? Все надо спешить, все дела и запреты. Десять минут идти парком, двадцать на паровой, десять на электрической, десять пешком, через пятьдесят минут буду дома, на Цветном. Найду ли там письмо от вас? Будет вам чирикать, птички. Прощайте.

Ваш Валерий Брюсов

Москва, Цветной

Письма нет. Итак до понедельника. Грустно мне, но это опять прихоть. Вся жизнь — как сквозь сетку. Медленные дни.

В. Б.

Конверт отсутствует.

¹ О Ю. П. Бартенева см. наст. том, стр. 359.

23

⟨Москва, 25 июня 1901 г.⟩

Готов был послать вам письмо, когда получил вашу записочку, что вы хвораете. Бросил свое письмо, пошлю его другой раз, когда все опять будет светло и весело. Теперь я могу четко представить себе Верею, и ваши комнаты, и что у вас перед глазами, мысленно почти быть *там*, для вас *здесь*. Пройдут дожди и холод, ведь еще июнь, ведь еще пора цветов и первых ягод! Пройдут и все ваши нездоровья, ведь еще так много лет и дней впереди. Будет июльское солнце, знойное, и августовское, яркое. Я с детства без конца люблю пушкинские стихи, даже почти стишки:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись.
В день уныния смиришь,
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло.
Все мгновенно, все пройдет.
Что пройдет, то будет мило.

Как только будет вам лучше, напишите мне, хоть несколько слов. Это ведь непременно. О себе не пишу; все как всегда.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва, 26.VI.1901.

24

⟨Москва, 26 июня 1901 г.⟩

У нас прояснилось. Солнышко поглядывает. День целый не было дождя. Сажу в Архиве. Думаю о вас. Во всем доме никого. Даже мыши шуршат, так все тихо. Пишу рассказ, как это ни странно и ни мало мне свойственно; пишу с жадностью и упорством; спешу почему-то днями, даже часами, словно есть срок его писать. Русалок от меня зачем-то отодвинули, я их не вижу больше. Кстати, оказывается эти русалки были воспроизведены в «Мире искусства» за прошлый год: там со мрамора, а здесь гипс. Теперь перед моими глазами лампа с литым всадником: гуни с топором в руках — символ дикости и мощи. Но ведь закрыв глаза я могу видеть ангелов. Что мне до того, что вокруг. А дальше, сквозь дверь, вижу лес, это картина Т. Бартевой¹, зелень, тропинка, по счастью грибов не написала. Очень, очень жду вестей о вашем здоровье.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 27.VI.1901.

¹ Гатьяна Петровна *Бартева*, в замужестве Вельяшева — дочь П. И. Бартева.

25

⟨Москва, 27 июня 1901 г.⟩

Пасмурно, но дождя нет. Архив оживился. Приехали два сына Бартева — Юрий и Сергей. Мне писать не дают, все бродят мимо, а неловко так прямо на их глазах не заниматься архивским делом. Скоро «Петр и Павел», то-то простор для дачных гостей; жду с тревогой. Хотелось бы

быть одному, писать или бездельничать. Ах, как я любил в ранней юности споры. Я готов был спорить о чем угодно и с кем угодно, нарочно говорил против своих убеждений, только бы спорить. Как я разлюбил их теперь. Все больше и больше отпадает от меня все внешнее, все яркое, блеск и шум жизни. Я бы мог стать почти затворником, но не от людей вообще, а от того, что Пушкин называл чернью, а Гораций profani. Это великий вопрос для каждого, сколько человек он воистину желал бы оставить близ себя: сорок? пять? двоих? или одного? В этом весь характер, вся душа. Не так ли?

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 27.VI.1901.

26

«Москва. 29 июня 1901 г.»

Четвертый день от вас нет вестей. Что делать, подчиняюсь. Будем болтать; хотя порою боюсь, что моя болтовня не к месту. Есть ли по крайней мере у вас солнце, и зелень травы, и дыхание лета в окна, при которых все — пустяки, все — ничто?

Я только верю в голубую,
Недосягаемую твердь...¹

.....
Все ничтожно, все ничтожно,
Только небо голубое!²

Как странно сходятся два поэта, почти до совпадения слов.

Если вы читаете это мое письмо, пустое и случайное, пусть оно будет символом, что вот здесь в Москве, в Архиве, на Ермолаевской Садовой, я сижу и думаю о вас. Что бы там ни было, хорошо, когда о тебе кто думает. На эту тему у Паскаля есть прекрасная страница, жаль, что ее нет под рукой³. Боже мой, сколько было великих людей... и сколько их еще будет. Одними гениями разных народов и веков уже можно было бы населить большой город; а просто «великими» и целую страну. Стоит ли после этого мыслить и писать стихи?

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 29.VI.1901.

¹ Цитата из стихотворения Д. Мережковского «Голубое небо» (1894).

² Первые строки из неопубликованного стихотворения Брюсова, датированного апрелем 1895 г. (ГБЛ). Эпиграфом к нему автор взял вышеприведенную цитату из Мережковского.

³ Вероятно, имеется в виду начало III главы (под названием «Тщеславие человека. Результаты самолюбия. Человеческое «я») известной книги Блезе Паскаля «Мысли» (см. русский перевод, 3 изд. М., 1905, стр. 51—53).

27

«Москва. 30 июня 1901 г.»

Болтовня.

Вчера свершилось то, чего мы ждали столько недель: нашествие «дачных гостей». Конечно, так всегда бывает, пришли все сразу. Пришел отец жены и ее брат, пришла (самостоятельно) сестра ее Эдвиж, пришел Ланг с женой, пришел Курсинский. Все люди разные, которых примирить невозможно. Жена устала хлопотать еще среди дня. Пришлось обо всем заботиться мне. И я бродил из комнаты в кухню, из кухни на террасу, пу-

тая все, занятый, конечно, своими мыслями, вступал в разговоры и отвечал невпопад, старался устроить беседы, занять чем-нибудь прибывших. А те, видимо, проклинали в душе и меня, и себя, что сюда заехали. Едва настал вечер, я очень любезно проводил их на поезд, усадил, пожелал доброго пути и пошел домой по темному парку. Я был один, как вольно дышала душа. Я наконец был один! Я думал о чем хотел, говорил, плакал: Звезды смотрели и шелестели липы. Сумрак темнел. А дома еще ждал меня самовар, малина и беседа о минувшем дне.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 1.VII.1901; Верея. 2 июля 1901.

28

⟨Петровско-Разумовское. 1 июля 1901 г.⟩

И опять праздник. И опять синее небо. Но вся энергия работы, которой я жил недавно, вдруг покинула меня. Я не могу писать ничего, ни стиха, ни строчки; слова не вяжутся, мысли не повинуются. Упасть бы на траву и плакать. Вот одно, чего я хочу. Я силой заставляю себя сесть за стол, раскрываю бумагу, беру перо. Все плоско, все глуно, все ничтожно, и что сейчас пишу, и что намерен был, и что написано. Или умереть? теперь бы, навсегда. Эти облака, идущие по небу, эти качающиеся травы, это солнце, — как легче с ними, чем с людьми! Вновь, впервые после юности, я чувствую природу, живу, дышу ею. Щебечут ласточки. Нет. И их не хочу. И здесь уже любовь и страдания¹. Мое сердце слишком отравлено, чтобы чувствовать еще что-нибудь, малейшая дрожь ему мучительна. Уснуть, исчезнуть. Боже! Боже!

Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 1.VII.1901; Верея. 2 июля 1901.

¹ То же самое Брюсов пишет в эти дни И. А. Буину (*ЛН*, т. 84, кв. 1, стр. 460).

29

⟨Москва. 2 июля 1901 г.⟩

От Юргиса получил письмо из Ревеля. От С. А. вестей нет. Бальмонт из Иванина пишет что-то темное о мечтах и снах.

Завтра я опять вернусь к работам. Как странно зависим весь мир души от нескольких слов, и как хорошо, что это так. Ах, почему свои мысли и мечты надо выражать словами да еще писать! Если бы я мог в мгновение высказывать целый трактат или целый рассказ, я не оскудел бы темами. Как нашему Брюллову, мне хочется воскликнуть: «Дайте мне свод небесный, я распишу его весь!» Я один написал бы целую литературу, был бы поэтом, математиком, романистом, историком, критиком, драматургом... Дайте мне тысячу рук, чтобы писать. Мне не хватит десятков жизней, чтобы выразить все, что в моей душе и в мыслях!

Но кругом темно, тишина,
За решеткой в окно Москва видна...¹

Кстати. За эти дни я опять писал стихи.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 3.VII.1901.

¹ Цитирую строки своего стихотворения 1899 г. «О последнем рязанском князе Иване Ивановиче» (*ТВ*), Брюсов допустил в письме опisku: «За окошком в окно Москва видна».

30

⟨Москва. 3 июля 1901 г.⟩

Сегодня писать почти времени нет. Занимался разбором старых годов «Русского архива», сложенных в сарае. Меня ужас обуял, когда я увидел эти груды груд сложенных и наваленных книг. Это уже безнадежно. Сколько бы я их ни разбирал, читать их не будет никто, тем более покупать. Книга! Веще, огненное слово, низведенное на уровень старой бумаги! Молния, покрытая пылью! Божество, принявшее образ червя и пресмыкающегося в прахе! Я бережно страхнул дряхлую книгу, и из нее упал на пол маленький книжный скорпион.

Ваш Валерий Брюсов

Р. S. Писал ли я вам, что статья моя в «Мире искусства» действительно плоха? ¹ И как мог написать я подобную «бледность» и «общность».

В. Б.

На конверте почт. шт.: Москва. 3.VII.1901.

¹ Вероятно, имеется в виду статья «Ответ г. Андреевскому» («Мир искусства», 1901, № 5).

31

⟨Москва. 4 июля 1901 г.⟩

Опять тропические дни. Я люблю зной. Предки мои были костромичи, но я уверен, что «небесное родство» у меня с какими-нибудь дикарями из-под тропиков. Быть голым, лежать с дротиком в руках, на выжженной траве у пересохшей реки, купаться в растопленном воздухе и лениво слушать отдаленное рычание льва — мне это что-то родное и понятное ¹. Тропическая веерность пальм, пьяное безумие растений, безобразие и ужас пресмыкающихся — мне как-то понятнее, чем наши сосны и березы, и жалкая травка, вся эта раскрашенная фотография нашего лета. Я знаю красоту зимы, люблюсь ею, но не люблю ее. Я знаю красоту города, упиваюсь ею, дышу городом, но с отчаяньем, с яростью, как вдыхают ядовитые пары, как курят опиум. Это уже любовь из отвращения и ненависти, любовь преступления, совершенного над своей же душой. Мечтаю о шуме водопада Мози-оа-Тунья ².

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 4.VII.1901.

¹ То же самое Брюсов пишет в эти дни Г. Бахману (*Собр. соч.*, т. 1, стр. 575).

² Водопад Виктория на р. Замбези в Южной Африке, воспетый К. Бальмонтом.

32

⟨Москва. 6 июля 1901 г.⟩

Смертельно болен Лев Толстой ¹. Ему пора умереть. Он пережил самого себя. Все надо было кончить «Воскресением». А его теперешнее мелкое фрондерство, его игра на руку разным скудоумным революционерам ² его недостойны; точно так же, как и разные письма «Царю и его советникам» ³. Кстати, по поводу Л. Т. Помнится, М. И. ⁴ обвинял «Мир искусства», что в нем нечего читать. Не правда. В нем печатается длинная статья Д. С. Мережковского о Толстом и Достоевском ⁵ <...> Получили ли вы 7-й номер «Ежемесячных сочинений»? Очень бледен. Ни меня, ни Баль-

монта нет, остальное на уровне летнего сезона. На днях доставлю вам новое издание Бодлера⁶. — Тропический зной продолжается. Курицы чувствуют себя страусами; ломовые лошади в соломенных шляпках; я мечтаю о лесах криптомерий⁷.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 6.VII.1901.

¹ До середины июля 1901 г. Л. Н. Толстой был тяжело болен.

² Отношение Брюсова к революционерам в 900-е годы было весьма противоречиво и колебалось от резко отрицательного до сочувственного.

³ Письмо Л. Н. Толстого «Царю и его помощникам» (у Брюсова название неточное) от 15 марта 1901 г., где писатель призывал власти отказаться от казней и насилий, распространялось в России нелегально в гектографированных и рукописных копиях; напечатано в органах заграничной вольной русской печати («Листки Свободного слова», Лондон, 1901, № 20; «Свободная мысль», Женева, 1901, № 13).

⁴ М. И. Шестеркин.

⁵ В № 1—12 «Мира искусства» за 1900 г. была помещена статья Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист в русской литературе» — третья часть его исследования «Лев Толстой и Достоевский».

⁶ Вероятно: Бодлер. Сокровенные дневники. СПб., изд. Ф. Булгакова, 1901.

⁷ В стихотворении 1895 г. «В ночной полумгле» (*Chhd*) Брюсов писал: «Мечтал о лесах криптомерий».

Сегодня о внешностях. Получил письма от «наших» из Крыма; уже собираются, а раньше других приедет сестра, хочет к 20. — Дома у нас всякий ремонт, маляры, штукатуры, кровельщики; сначала меня занимало разнообразие людей, теперь мучит их страшное однообразие. — В Москве много грибов (впрочем, кажется, было): одно время белые грибы попадались повсюду, даже в парке. — Дал я обещание к 1-му июля доставить три статьи: в «Ребус», А. Лангу как предисловие к его книге¹ и в «Ежемесячные сочинения»; ни одного из обещаний не исполнил, целые утра все пишу и все неудачно. Брошу, и стану писать рассказы. — Жена варит варенье и очень этим занялась. — Читали ли вы роман Ясинского (М. Белинского) в его «Сочинениях»?² Дешевая яркость, но какая все же яркость! Кто другой пишет так красочно по-русски? — На «конках» паровых и электрических наблюдаю читающих барышень: нет середины, или Горький, или Социология. — Читаю по утрам «Курьер»³ и мечтаю написать статью «Что такое либеральное тупоумие». — Завтра воскресенье, точно знаю, что будет у нас Курсинский, может и еще кто-нибудь. Я говорил вам, что Курсинский олицетворен в герое «Записок из подполья» Достоевского. Впрочем, вы мало читаете Достоевского, тогда как он должен бы быть вашей настоящей книгой. Собственно русская литература создала только этих четырех: Пушкин, Тютчев, Достоевский, Фет. Все остальное, не исключая Толстого и Лермонтова, «второй сорт». — Завтра писать не придется.

Ваш Валерий Брюсов

Простите листок бумаги, лучшего не было под рукой.

На конверте почт. шт.: Москва. 7.VII.1901; Верея, 8 июля. 1901.

¹ См. в кн.: А. Миропольский. Лествица. М. «Скорпион». 1903.

² Вероятно, речь идет о романе И. Ясинского «В один памятный день» («Ежемесячные сочинения», 1901, № 6—8).

³ О «Курьере» — см. наст. том, стр. 440.

34

«Москва. 8 июля 1901 г.»

Вчера уподобился мальчишке. Вмешался в уличный скандал. Какого-то официанта из ресторана Лопашова обидел хозяин. <Он>¹ кричал на улице: «Ты не человек! У тебя не сердце, а печень с запеченной кровью!» Городовой его честью просил. Пришел околоточный и прямо его кулаком в затылок. «Потерпевший» завопил к толпе: «Г-да, будьте свидетели! нарушают во мне человеческое достоинство! Мое терпение не может этого терпеть!» Какие-то кадеты вмешались. Околоточный и их за шиворот. Те запротестовали во имя «чести мундира». Вмешался я. Официант вопиал: «Г-да интеллигентная молодежь! не оставьте! Жизнь для счастья нам дана!» Толпа стала галдеть: «Драться не позволено!» Околоточный закричал: «Что это? Бунт? восстание?» Я говорю: «Революция». Он на меня: «Ты кто такой?» Я ему: «А ты кто такой?» Он мне: «Я представитель государя». Я ему: «А я представитель господ бога». Он мне: «Так пожалуйте в участок». Я ему: «С удовольствием». Толпа кричит: «И мы! И мы!» Официант вопиет: «Г-да интеллигенты, я беден, незнатен, но благороден. Я с Треповым² лично знаком». Пошли в участок. Шло человек сто, а когда вошли, оказался один я. Составили протокол об официанте. Дошло дело до меня. Никак нельзя было понять, зачем я здесь. Наконец, пристав объяснил, что околоточный «погорячился». Тот что-то пробормотал. Мне уже надоело, я принял это за извинение и пошел домой. Вместо 9¹/₂ попал в 12.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 8.VII.1901; Верея. 9 июля 1901.

¹ У Брюсова описка: «я».² Московский обер-полицеймейстер (1896—1905).

35

«Москва. 18 июля 1901 г.»

Вчера у нас были на даче: Мари, отец, сестра и Ник. Павл., мой двоюродный брат. Ходили, собирали бруснику, покупали что-то, обедали, пили чай, опять пили чай, ужинали, еще пили чай. Светила луна. Отец скучал, Ник. Павл. томился, сестра моя все веселилась, Мари гримасничала. Я говорил гиперболические нелепости (есть у меня такой разговор), жена ревновала меня к своей сестре. Так прошел день, все устали, всем стало скучно и тошно; гостей проводили и поспешили молча разойтись по своим комнатам.

Давно уже не делаю ничего; больше недели, как не написал ни одной строки; посмотришь на начатые листы, и нет охоты.

Труд ежедневный, труд упорный... Не помню всех стихов, это Павловой¹, но из другого ее стихотворения, — о своем стихе:

О ты, кого и святотатство
Коснуться в храме не могло!
Моя напасть! Мое богатство!
Мое святое ремесло!²

Вчера послал вам часы; еще раз простите, что поздно. Неужели и их почта раздавит? Сообщите. Забыл взять ключик и приложил такой, какой нашелся у меня в кармане.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 18.VII.1901.

¹ Начальная строка стихотворения *К. К. Павловой* (1807—1893), поэтессы и переводчицы, очень ценной Брюсовым, который называл ее «одним из лучших русских поэтов». В 1903 г. он поместил в «Ежемесячных сочинениях» биографический очерк о Павловой, а в 1915 г. издал ее произведения в двух томах со своим предисловием и статьей «Материалы для биографии Каролины Павловой».

² Не совсем точная цитата из стихотворения *К. Павловой* «Ты, уцелевший в сердце нищем...» (1854).

36

⟨Москва. 24 июля 1901 г.⟩

Приехали все наши крымские. Шум и, конечно, недовольства; перемены и ссоры. Сестра (вторая) выходит замуж, другая (старшая) переезжает к нам и т. д. и т. д. Мы тоже помышляем о возвращении на Цветной — поедем так в начале августа, числа 1, 2, 3. Слышу от разных приятелей, что едут. Еще зной, еще лето, но листья желтеют, ночью веет осенний ветер и близится новый год, новый «сезон». Издатели готовят книжки (кроме «Скорпиона»), писатели романы. Отдохнувшие читатели приготовили внимание и деньги. Окна, где книжные выставки, начинают протираться, чего не бывало давно. Говорят о театрах. Зима! Зима со всем, что есть в городе, город со всем, что я люблю в нем, победитель, жадный, топчущий, пьяный, развратный, блестящий, каменный, любимый мной. Здравствуй, город!

Ваш В. Б.

Кончились ли ваши именины, или письмо и это пришло к ним? Будьте веселой, пусть солнце не слишком вам радуется, а даст капельку тени, пусть небо даже поплачет мимолетным дождем. Самое лучшее пожелание.

На конверте почт. шт.: Москва. 24.VII.1901; Шелковна. 25.VII.1901.

37

⟨Петровско-Разумовское. 28 июля 1901 г.⟩

Шум, шум, шум. Приехавшие «крымцы» устраиваются, готовят свадьбу (моей сестры), спрашивают, упрекают меня. Шум, шум, шум. Когда болит голова, так болезненно слышишь звуки. Мне все звуки мучительны, вся жизнь. Мне бы уйти в лес, и дальше в степь, и дальше в пустыню. Лечь на горячем песке. Видеть небо, только синее небо, ничего больше. Я устал, давно и совсем устал. Шум, шум, шум. Дела, дела, дела. Выходит августовская книжка «Русского архива». Сдаются квартиры в нашем доме. Пора переезжать с дачи. Заботы, заботы, и шум кругом, и жизнь, и краски, и блеск. Болит голова. Лечь на росную траву, прижаться к земле, видеть сон. Я словно был грубо пьян недавно. Я словно слишком много смеялся недавно. Почему они шумят? Кто они? Откуда они? Или это жизнь, а я уже мертв. Шум, шум... Нет поля и нет пустыни. Жизнь.

Ваш В. Б.

На конверте почт. шт.: Москва. 28.VII.1901; Верея. 30 июля 1901.

38

⟨Москва. 15 августа 1901 г.⟩

Умер *Ив. Коневской-Ореус...* Утонул, купаясь в р. Аа, в Лифляндии. Меня давно ничего так не поражало. Это хуже всех моих семейных бедствий, это жесточе всего, что я пережил за лето ¹. Умер *Ив. Конев-*

ИВАН КОНЕВСКОЙ
(И. И. ОРЕУС)

Рисунок Е. С. Кругликовой
Итальянский карандаш, 1901

Мемориальный кабинет Брюсова,
Москва

ской, на которого я надеялся больше, чем на всех других поэтов вместе. Пусть бы умер Бальмонт, Балтрушайтис, не говоря уже о Минском и Мережковском... но не он! не он! Пока он был жив, было можно писать, зная, что он прочтет, поймет и оценит. Теперь такого нет. Теперь в своем творчестве я вполне одинок. Будут восторги и будет брань, но нет критики, которой я верил бы, никого, кто понимал бы мои стихи до конца. Я без Ореуса уже половина меня самого. Вдруг все стало ненужным, не решаюсь ни за что приняться. А ему было 22 года! ² Он только начинал, намечал пути, закладывал фундамент (о! по грандиозному плану). И вот храма не будет — одни камни, одни чертежи, пустыня мертвая и небеса над ней.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 15.VIII.1901.

¹ Брюсов имеет в виду рождение мертвого ребенка и болезнь жены.

² Коневскому, когда он утонул, было почти 24 года.

Я живу в мире мучительностей. Получили ли вы мое письмо, где я извещал о смерти Ореуса-Коневского? Недавно я прочел в газетах о судьбе А. Добролюбова ¹. Его судили в городе Троицке за подстрекательство к уклонению от воинской повинности и приговорили к тюрьме на 8 мес. А. Добролюбов в провинциальной тюрьме! Король Эдуард IV пек же пироги ² (а может и не IV, я забыл, и мне все равно). Сестра моя, вторая, выходит замуж за негодяя, идиота и павиана. Я болен, у меня бред, я одинок, я не могу мыслить и не могу мечтать...

Жене моей лучше. Она встала с постели, но очень еще слаба. Дойдя до калитки в палисаднике (шагов двадцать) утомляется. Очень нервна. Плачет постоянно. До этой осени я думал, что у меня нет нервов.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва, 21.VIII.1901.

¹ О поэте-символисте Александре Добролюбове см. наст. том, стр. 379.

² Брюсов имеет в виду эпизод из романа М. Твена «Принц и нищий». Крестьянка, в дом которой попал во время своих скитаний герой романа, будущий король Эдуард VI, велела ему приготовить кушанье для завтрака и вымыть посуду. Выполняя эту работу, Эдуард вспоминает, что и другому королю — Альфреду, когда он, спасаясь от врагов, укрылся в хижине дровосека, пришлось выполнить приказание хозяйки — присмотреть за пекущимися лепешками (см.: М. Т в е н. Собр. соч. в 12 томах, т. 5. М., 1960, стр. 558—560 и 662).

40

⟨Москва. 15 октября 1901 г.⟩ Понедельник.

Я здоров, если это вам интересно. Работаю много. Может быть, буду распорядиться одним большим журналом, т. е. редактировать¹. Очень много хлопочу со скорпионами о «Северных цветах»². Между прочим, дважды ездили к Чехову, но не застали, или он не принял. Живет он плохо-вато, в деревянном домишке, почти на задворках, и дверь отпирает не ливрейный лакей, а подоткнутая баба³. Генералу-от-литературы оно как-то не идет. Поедем к нему завтра в третий раз. — Очень много пишу.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 16.X.1901.

¹ Д. С. Мережковский предложил Брюсову редактировать задуманный им журнал «Новый путь» (издавался в 1903—1904 гг.): После отказа Брюсова редактором-издателем журнала стал П. П. Перцов.

² Речь идет о собирании материала для альманаха «Северные цветы на 1902 г.»

³ Почти в тех же словах Брюсов говорит о поездках к Чехову в *Дневниках* (стр. 107). Для первого выпуска «Северных цветов» (на 1901 г.) Чехов по просьбе Бунина дал рассказ «Ночь». В объявлении о выходе альманаха издатели «Северных цветов» поставили имя Чехова на первом месте. Прочитав это объявление в «Русских ведомостях» (1901, № 66, 8 марта), Чехов остался очень недоволен использованием его имени чуждым ему изданием в рекламных целях. 14 марта 1901 г. он писал Бунину: «Я (...) дал себе клятву больше уж никогда не ведаться ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами» (А. П. Ч е х о в. Полн. собр. сочинений и писем, т. XIX. М., 1950, стр. 61). В последующих выпусках «Северных цветов» Чехов не участвовал.

41

⟨Петербург. 12 февраля 1902 г.⟩

Вашей выставки¹ видеть не пришлось. Как только приехал, так попал в какую-то теснину, на какие-то рельсы и качусь, качусь². Сегодня утром в «Ежемесячных сочинениях», днем у Случевского³, после в «Мире искусства», обедаю у Мережковских, вечер у Розанова⁴, ужинаю с Перцовым⁵... И так каждый день, каждый день! А тут надо ехать в Царское Село, разыскивать того-другого, писать корреспонденции в «Русский листок»⁶. Бррррр.

Ваш Валерий Брюсов

Открытка. Почт. шт.: СПб. 12.II.1902: Москва. 13.II.1902.

¹ Происходившая в Петербурге выставка Московского товарищества художников, на которой экспонировались и картины Шестеркина.

² Об этом пребывании Брюсова в Петербурге см.: *Дневники*, стр. 114—118.

³ О К. К. Случевском и отношении к нему Брюсова см. статью М. Л. Мирза-Авакян (*Чтения 1971*, стр. 353—365).

⁴ О В. В. Розанове см. наст. том, стр. 362.

⁵ О П. П. Перцове см. наст. том, стр. 352.

⁶ «Русский листок» — московская газета (1890—1906). В 1900—1904 гг. Брюсов помещал в ней свои стихи, рассказы, заметки, рецензии. Объясняя причины своего сотрудничества в этой правдой по ее политическому характеру и «бульварной» по содержанию газете, Брюсов впоследствии писал: «...Я устал «публично молчать» в течение более чем пяти лет и рад был даже в бульварном листке высказать свои взгляды» (*Автобиография*, стр. 113).

42

«Петербург. 13 февраля» 1902

Не гневайтесь, что не пишу о себе. Нет мгновения свободного. Все хотят, чтобы я был у них. А я еще хочу быть у многих других. Ухожу из гостиной утром в 9, а возвращаюсь в 4 ночи, усталый — утомлен телом и духом: ибо везде нужно напряжение мысли и чувства, чтобы «представлять», показать себя таким, каким меня хотят видеть.

Ваш Валерий Брюсов

Пб. Северная гост. 190.

На конверте почт. шт.: СПб. 13.II.1902; Москва. 14.II.1902.

43

«Петербург. 15 февраля» 1902 г.

Обещанная речь о «Мире искусства». Все таковы, как то можно ждать по их картинам и писаниям. Дягилева и Философова ¹ не было, они за границей. Собрание у Бенуа ². Сам Бенуа — немного рыхлый, но умный, спокойный, без порыва, без крика, наблюдатель. На стенах у него какие-то старинные картины, а мебель купленная. А у Дягилева на потолке дракон, и вся мебель с выставок. Сомов — милый мальчик, но очень милый. Глазки ясенюшки, губки розовые, говорит тихо, улыбается. Ему бы жить в 30-х годах, и героини Пушкина сходили бы по нем с ума. Лансере — младенец, но он вырастет. Бакст — эстет, декадент и хлыщ, из общества кокоток, но с душой полу-Уайльда. Нурок ³ — стареющий эстет, читатель Верлена, воспитанный на Гюисмансе ⁴, что-то школы принсе Урусова ⁵. Нувель ⁶ с напояженными усиками, с мягкими манерами: он победил мою душу любовью к Верхарну. Жена Бакста — дама, какой подобает быть светской даме. Присутствовали еще — Минский, Розанов, Мережковский. Вашу выставку бранят.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: СПб. 15.II.1902; Москва. 16.II.1902

¹ Дмитрий Владимирович *Философов* (1872—1940) — критик и публицист, руководивший литературным отделом журнала «Мир искусства», после Октября — эмигрант, один из злобствующих антисоветских публицистов.

² Александр Николаевич *Бенуа* (1870—1960) — художник, искусствовед, глава и идеолог художественного объединения «Мир искусства». Далее в письме называются фамилии других художников этой группы (К. А. Сомов, Е. Е. Лансере, Л. С. Бакст).

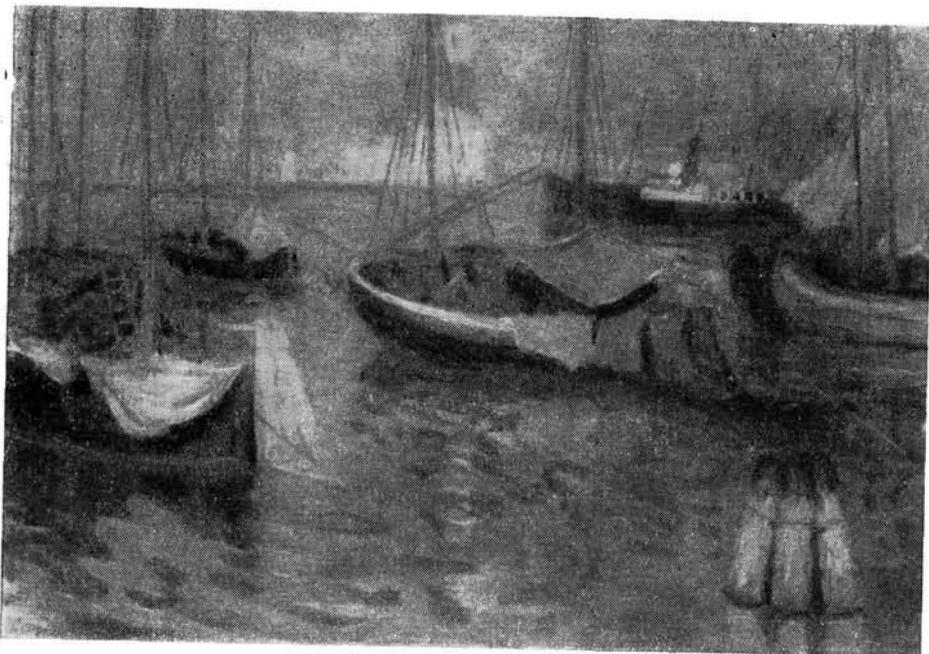
³ Альфред Павлович *Нурок* (1863—1919) — искусствовед, член редакции журнала «Мир искусства».

⁴ Жорж Шарль *Гюисманс* (1848—1907) — французский писатель, популярный у декадентов.

⁵ Александр Иванович *Урусов*, князь (1843—1900) — известный адвокат, автор статей по вопросам искусства и литературы. Относился к Брюсову как к поэту отрицательно, считал его «невменяемым».

⁶ Вальтер Федорович *Нувель* (1871—1949) — чиновник особых поручений по императорским театрам канцелярии Министерства двора; один из членов-учредителей общества и журнала «Мир искусства»; организатор музыкальных вечеров в Петербурге.

Характеристики Нувеля, Бакста, Сомова в письме перекликаются с записями в *Дневниках* (стр. 115).

ВЕНЕЦИЯ

Картина И. И. Рерберга. Масло, 1900-е годы

Подарена Брюсову художником

Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

44

⟨Москва. Первая половина марта 1902 г.⟩

После Петербурга только теперь начинаю оживать. Эта неделя посещений, когда надо было все миги быть настороже, когда надо было всем явить свое *я* сконцентрированным на полчаса, — утомила меня так, что я жаждал одного: стать неразумным, стать зверем, камнем, элементом. Я не писал стихов, не бывал нигде, не думал, не читал... Я отдыхал и упивался отдыхом.

Теперь волей-неволей надо выйти из этого. Прежде всего много дела. С. А. болен совсем и будет еще долго болен. Юргис «пропадает», где, как — ничего неизвестно. А «Северные цветы» все еще не вышли. Надо работать, работать, работать — одному везде. Затем — едет Бальмонт, положим на один день, но опять надо устроить встречу и проводы. Итак, выхожу из своей гробницы и возвращаюсь в мир живых.

Ваш Валерий Брюсов

Конверт не сохранился. Датируется по содержанию: Бальмонт приезжал в Москву в первой половине марта 1902 г.

45

⟨Венеция. 5/18⟩ июня 902.

Только завтра утром уезжаем во Флоренцию. Ничего нового. Скучно уже. Венеция хороша, но если можно в ней жить. А долго *быть* в ней, без книг, без других людей и *не* одному — тягостно. Много переписываюсь с Юргисом, который кажется тоже томится. Но он работает, а я ничего не делаю. В конце июня все же надеюсь быть в Москве. Между прочим: разве

все достойное не создано *уже* художниками и поэтами. Здесь, в стране Тинторетто и Беллини, можно только *перестать* быть художником. Тем более во Флоренции!

Ваш В. Б.

Открытка. Почт. шт.: Venezia. 18.6.02; Москва. 10.VI.1902.
В датировке Брюсов допустил ошибку, написав: 6 июня 902.

46

Флоренция, 14</27> июня <1902 г.>

После Венеции — Флоренция не хороша. Венеция прекрасна своей ненужностью, своей бесполезностью — она безумие, она бессмыслица, и за это прощаешь ей всю ее театральность и ее грабительство. А Флоренция — город живой, европейский, живущий собственной жизнью. В Венеции главная красота — она сама, жизнь ее каналов, ее женщины в черных шпалях и столь же черные гондолы. Во Флоренции красота запрятана в музеях. Зато сила былой жизни в этих флорентинских музеях поразительная. Святой и умиленный Боттичелли и совершенный Рафаэль, ангельский Джотто, неземной Перуджино — все это можно постичь лишь здесь. Будем во Флоренции еще три дня, после в Viareggio¹ и Genova*.

Ваш Валерий Брюсов

Открытка. Почт. шт.: Firenze. 28.6.02; Москва. 19.VI.02.

¹ В Виареджо жил в это время Балтрушайтис.

47

<Петербург.> 22 ноября 1902

Вот уже третья неделя как я брожу по Петербургу. Одинок. Хорошо и пустынно в душе. И то хорошо, что со мной все чужие. Никого из тех, кого я люблю, никого из тех, кто меня любит. Сладко быть среди тех, кто тебя не знает, чьи души для тебя закрыты. И мне не хочется их открывать. Я не отвечаю, когда кто-либо меня манит к любви. Мне хочется лишь не чувствовать. Ах! довольно было чувств! и отчаянья! и позора! и блаженства! Довольно. Тихий покой, осени мою душу

Ваш Валерий Брюсов

48

<Петербург. Январь — февраль 1903 г.>

Ах, почему вы мне не пишете. Мне было бы так странно услышать ваш голос здесь, в этих иных для меня условиях бытия. Это было бы то же, как встретиться вновь (о! через много тысячелетий) с вами после смерти, там, в иных полях, бескрасочных, беззвучных... Каким пламенем пробежал бы этот миг для духа, выветрившегося в небесных скитаниях, утратившего все воспоминания и страсти! Какой невыносимой уже для него полнотой нахлынули бы на него все ощущения того мира, где есть солнце и звездный купол, и цветы и дрожь, все блаженства тела, все кипение крови, вся радуга земли! А! Я так ясно предвижу этот миг, за тысячелетиями, за безвременной безграничностью...

Теперь я просто прошу вас, чтобы вы мне писали. Конечно, я попал опять в круговорот, в водоворот петербургской жизни, увидел вновь

* Геную.

тех, кому говорил о любви, и тех, с кем спорил о заветных тайнах. И вот замелькали дни, как сыпавшиеся искры из паровоза, встречи, вечера, великие речи, опять полнота или нет, *наполненность* жизни. Я люблю эту стремительность, когда некогда думать, когда надо поступать тотчас, едва предстанет возможность. Люблю — конечно, не в абсолюте, а люблю до времени. И пока я наслаждаюсь этим пестрым калейдоскопом; сам перекачиваюсь, как стеклышко, дышу, горю и сгораю.

Ах, пишите мне.

Я — ваш Валерий Брюсов

Мой адрес: Петербург, Невский 88, кв. 18, ред. ж. «Новый путь», В. Я. Б.

Конверт не сохранился. Датируется по месту написания: в январе — феврале 1903 г. Брюсов находился по делам «Нового пути» в Петербурге.

Приложены стихотворения: «Гимн к Луне» (из Катюлла) и «Проходят годы, нисходят//Во гроб поколенья людей...» (из Гейне).

49

⟨Париж. 21 апреля/4 мая 1903 г.⟩

Да, случилось так, что я в Париже¹. Уехал отдыхать, а устану, пожалуй, больше, чем в Москве. Прежде всего попал в русский кружок, где нашлись у меня и поклонники и враги. Посещаю лекции и сам сегодня вечером читаю — опять свои «Ключи тайн»² (в большом кафе, вмещающем до 300 человек — это здесь принято). Вечером попадаю во всевозможные кабаре, т. е. по нашему кабачки. *Cabarets artistiques**, где поют и читают стихи особые поэты, для этого только и существующие. Брожу по Парижу, смотрю. Все слово в слово так, как я себе воображал. Но город истинный, многоликий, многоголосый, в котором можно жить, хотя бы и всю жизнь. Да, здесь есть все. От самого тайного и таинственно желанного, до самого явно пошлого. Конечно, *liberté, égalité, fraternité*** давно стали словами, но все-таки... В университете вход свободный — идешь и слушаешь, что хочешь. Во все музеи тоже. Какое-то веянье какой-то возможности есть здесь. Есть уличная жизнь, есть народная жизнь, есть история, не скрытая где-то в недоступных министерствах, а создаваемая улицей. Во Франции невольно становишься по-детски республиканцем. Черт побери наше «божией милостью» с его цензурой, запрещающей на «Северных цветах» голого ангела! А потом я так люблю Город, свободный, просторный город, где не жалеют места для простора площадей, где дают насладиться перспективами бесконечных улиц и где дома уходят ввысь на пять, на шесть, на семь этажей — всегда и везде. Мне даже гнусная Эйфелева башня стала казаться менее гнусной. Так торжественно царит она над Парижем, единая, непобедимая, недостигаемая, если подъезжать к городу с северо-востока.

И мне понравился ты, город многоликий... Я сложу стихи о Париже³.

Ваш Валерий Брюсов

4 мая в. ст. 1903

¹ Весной 1903 г. Брюсов провел в Париже 16 дней.

² Реферат Брюсова о поэзии, имевший значение манифеста символистской школы. Был напечатан в № 1 журнала «Весы» за 1904 г.

³ Под впечатлением этой поездки Брюсов написал стихотворение «Париж» (УО). Оно начинается строкой: «И я к тебе пришел, о город многоликий...»

* артистические кабаре (франц.).

** свобода, равенство, братство (франц.).

50

«Москва, 24 июня 1903 г.»

Привет! дорогая Анна Александровна!

Да, вы правы. Мир остается все тем же, но мы меняемся.

И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего безумно жаль¹.

Я поздравляю Нину со днем рождения. Ей второй год — и мои звери, вероятно, запоздали (но дошли?) Я все-таки часто смотрю на нее — с своего балкона, через лесистый косогор, за 12 верст, нас разделяющих². Я печатаю книгу стихов³. Может быть, последнюю. Мне надоело жить (но не быть!) Мне наскучило писать стихи, считаться литератором, читать гнусные брани о себе в газетах и с важным видом поучать юнцов, вроде лектора — Виктора Гофмана⁴. Право, уйти и просить милостыню на улицах веселее и умнее. Быть может, я так и сделаю.

Пока же живу помещиком, нанимаю баб полоть огород etc, etc. В Москве не буду до августа, так что не пишите туда. Но буду у вас в Верее непременно, пешком, с сестрой, в самых первых числах июля, 1, 2, 3-го.

Ваш очень Валерий Брюсов

Москва, 1903

На конверте почт. шт.: Москва. 25.VI.1903. К письму приложено стихотворение «Колыбельная песня. Нине», датированное 24 июня 1903 г. (УО).

¹ Не совсем точно приведенные заключительные строки стихотворения Фета «У камина».

² Летом 1903 г. Брюсов жил в Старом Селе Можайского уезда Московской губ.

³ «Urbi et Orbis».

⁴ Виктор Викторович Гофман (1884—1911) — поэт и беллетрист, близкий к символистам. Брюсов в своих воспоминаниях о нем пишет: «Одно время Гофман так много времени проводил со мной, что его в нашем кружке прозвали моим лектором». (В. Гофман а н. Собр. соч., М., изд. В. В. Пашуканиса, 1917, стр. XXXIV). В стихотворном послании Брюсов обращается к Гофману:

Пусть консул я, а ты — мой лектор,
Но сходство между нами есть.
(там же, стр. XXXVI).

51

903, Москва <6 июля>

Дорогая Анна Александровна!

И опять не собрался быть у вас, и попал-таки в проклятую Москву. Но теперь заточаюсь к себе, в Старое Село, ровно на три недели. За это время буду у вас, даю клятвенное обещание. Ах, как хорошо там, где синее небо, зеленая трава и всецветные цветы — прикованные и летучие. Я отвергаю любовь моей юности — город, я молюсь земле.

Очень ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 6.VII.1903.

52

«Москва, 3 декабря 1903 г.»

Дорогая Анна Александровна!

Моему поведению относительно вас нет имени, но вы это давно знаете. Спасибо за приветствие. Приехать пока, т. е. в ближайшие дни, не могу совсем. Добираюсь только до «Скорпиона», и то каждый раз простужаюсь. Стихи

Тютчева, действительно, прекрасны (это я сообщил их в «Новый путь»)¹. Но ведь вы хвалите их немного в укор мне,

Вот тот мир, где жили мы с тобою...²

Ваш Валерий Брюсов

903, декабрь, «Скорпион»

На конверте почт. шт.: Москва. 3.XII.1903.

¹ В № 11 «Нового пути» за 1903 г. появилась статья Брюсова «Легенда о Тютчеве» и его публикация неизданных писем и неизвестных стихотворений Тютчева.

² Строка из стихотворения Тютчева «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.», вошедшего в указанную выше публикацию (незадолго до этого стихотворение было напечатано в статье Ф. Ф. Тютчева «Федор Иванович Тютчев. Материалы для его биографии». — «Исторический вестник», 1903, июль, стр. 202).

53

⟨Москва. 14 октября 1904 г.⟩

Дорогая Анна Александровна!

Есть периоды в моей жизни, когда я *не могу* прийти к вам, не в силах смотреть вам в лицо, в глаза. Сейчас мне невозможно было бы говорить с вами. Простите меня. Пожалейте. Не мучьте.

Но всегда ваш Валерий

15 окт. 1904

P. S. На днях пришлю вам стихов и, если позволите, книг.

На конверте шт.: Москва. 14.10.04. Брюсов датирует письмо ошибочно: 15 октября 1904 г.

54

⟨Москва.⟩ 1 ноября 905.

Дорогая Анна Александровна!

Что сказать о себе? Революцией интересуюсь лишь как зритель (хотя и попал под казачьи пули в Гнездиновском пер.)¹ А живу своей жизнью, стою на вечном костре. Печатаю новую книгу стихов², которую прочтут по нашим дням — пять-шесть человек (хотелось бы, чтобы в их числе были и вы). Пишу свой роман³, перевожу Данте⁴. От «Весов» и «Скорпиона» уклонился. В жизни, конечно, больше мучительного, чем веселого, но и, конечно, больше радости, чем уныния. Останусь собой, хотя бы, как Андре Шенье, мне суждено было взойти на гильотину⁵. Буду поэтом и при терроре, и в те дни, когда будут разбивать музеи и жечь книги, — это будет неизбежно. Революция красива и, как историческое явление, величественна, но плохо жить в ней бедным поэтам. Они — не нужны.

Привет Нине.

Ваш Валерий

¹ В 1905 г. Брюсов называл деятелей революции «близкими», но противопоставлял им свою анархическую позицию: «Ломать я буду с вами, строить — нет» (стихотворение «Близким», 30 июля 1905 г.).

² «Stephanos».

³ «Огненный ангел».

⁴ См. наст. том, стр. 678—679.

⁵ Андре Шенье (1762—1794) — французский поэт, вначале приветствовал революцию 1789 г., но впоследствии перешел на монархические позиции, выступил против казни Людовика XVI и был приговорен Конвентом к смерти.

55

〈Москва.〉 14 марта 1907.

Дорогая Анна Александровна!

Я был очень тронут вашим подарком, милым, изящным, дорогим мне. Примите мою благодарность за вашу память обо мне, память, торжествующую над годами и событиями. Смотри на эти красивые, тонкие вышитые цветочки, я испытывал то несказанное чувство, которое знаешь, когда вдруг вновь оказываешься в знакомой обстановке дорогого, потерянного прошлого... Если мне удастся воплотить ваш замысел, у меня в моей библиотеке будет наконец любимая книга.

Боюсь давать еще раз обещания, но все же верьте, что только мучительный распорядок моей жизни не позволяет мне заглядывать к вам в Сокольники так часто, как мне того хотелось бы. Привет Воле, Нате¹ и Нине.

Всегда ваш Валерий Брюсов

¹ Брюсов снова забыл, что старшую дочь Шестеркиной зовут Леной.

56

Brienz, 31 août 1909 (Suisse)
〈Бриенц (Швейцария). 18/31 авг. 1909 г.〉

Дорогая Анна Александровна!

Простите, что до сих пор не писал вам. Все переезжал с места на место. Теперь на некоторое время поселился более прочно на берегу Бриенцкого озера. Швейцария, увы! — точь в точь такая, как на картинках с конфетных коробок. Надеюсь вскоре написать вам подробнее.

Всегда ваш Валерий Брюсов

Открытка. На обороте — вид на Эйгер, Мёнх и Юнгфрау.

57

1 octobre 1909, Paris
〈Париж. 18 сентября/1 октября 1909 г.〉

Дорогая Анна Александровна!

Вспоминаете ли вы меня? Я опять «пропал» за границей. Вот уже третий месяц я вне России и возвращаться не хочется вовсе. Пробуду здесь столько, сколько будет можно. Мысль, что окажусь опять в Москве, среди ее дразг, ее дел, ее толпы, — ужасает меня. Мне так хорошо вне моей обычной жизни, среди равнодушной парижской толпы, в неизвестности, в отчужденности... Ах! бежать бы! совсем бы бежать из России.

Я вам писал из Швейцарии — несколько слов. Получили ли вы?

Напишите мне о себе, о своих печалях (я не очень верю в радости), о Нине, о всех. Мне будет желанно увидеть ваш почерк на конверте. Пока мой адрес: 15, rue de la Terrasse, Paris (P. S. Этот адрес *лишь для вас*).

Ваш всегда Валерий

Закрытое письмо — «секретка».

58

〈Москва.〉 2 ноября 1909.

Дорогая Анна Александровна!

Простите и то, что я молчал по приезде, и то, что так долго не отвечал на ваше письмо. Я был болен, был очень занят и чувствую себя очень, очень плохо. Не далее как завтра исполню вашу просьбу; надеюсь вместе

с тем и написать вам подробнее. К вам приеду только тогда, когда оправлюсь душевно. Очень я не люблю показываться на глаза, даже самым расположенным ко мне людям, с душой расстроенной. Поймите и простите.

Ваш всегда Валерий Брюсов

Открытка. Почт. шт. отсутствует.

59

⟨Нордвик-ан-Зее (Голландия).⟩ 15/28 июля 1913

Дорогая Анечка,

робко прошу принять мой привет с берегов Немецкого моря. О себе сообщить нечего: купаюсь, брожу, думаю. (Надо же иногда и думать? правда?) Надеюсь, что вы и все ваши «в добром здравии» — да? Целую вашу руку.

Ваш Валерий

Noordwijk-aan-Zee

Открытка. На обороте — вид: S. Gravenhage, Hofvijver.